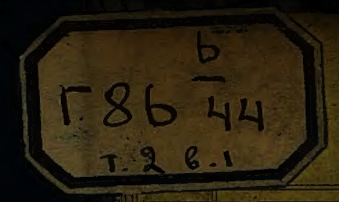


РАЗВѢДКИ

О

ДОИСТОРИЧЕСКИХЪ ВРЕМЕНАХЪ

РУСЬ-СЛАВЯНСКАГО НАРОДА.

А. С. ВЕЛИКАНОВА.

ТОМЪ ВТОРОЙ,

ВЫПУСКЪ I.

ОДЕССА,
Франко-Русская тип. Л. Даникана, Ланжерон. ул., д. № 36.
1879.

РАЗВѢДКИ

о

ДОИСТОРИЧЕСКИХЪ ВРЕМЕНАХЪ

РУСЬ-СЛАВЯНСКАГО НАРОДА.

А. С. ВЕЛИКАНОВА.

Et documenta damus qua sumus origine nati.

Ovidius.

Les mots durent autant que les os; et de même qu'une dent renferme implicitement une partie de l'histoire d'un animal, un mot isolé peut mettre sur la voie de toute la série d'idées qui s'y rattachent lors de sa formation.

A. Pictet.

ТОМЪ ВТОРЫЙ.

ВЫПУСКЪ I.

ОДЕССА,
Тип. Л. Даникана, Ланжероновская улица, домъ № 36.
1879.

Дозволено цензурою. Одесса, 12-го Ноября 1879 года.

БЫВШЕМУ

ПРОФЕССОРУ МОЕМУ

ІОСИФУ ГРИГОРЬЕВИЧУ

МИХНЕВИЧУ

посвящается

ЭТА КНИГА

ВЪ ЗНАКЪ ПРИЗНАТЕЛЬНОЙ ПАМЯТИ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Заглавіе первой части нашего труда: „Развѣдки о древнѣйшей русь-славянской граматности“, ясно высказывало предположеніе автора собрать факты, которые привели бы къ убѣжденію о существованіи граматности у русь-славянскаго народа до появленія среди него проповѣдниковъ христіанства Константина и Меѳодія. Но какъ памятники, на основаніи каторыхъ авторъ намѣревался производить свои разысканія, относятся исключительно къ области лингвистики; то необходимо было прежде всего разсмотрѣть матеріалы, изъ каторыхъ сложено самое основаніе, т. е. надо было установить понятіе о древнемъ русскомъ языкѣ, и показать, что его словами, какъ памятниками, могутъ разъясняться очень многія стороны давно минувшей жизни русь-сла-

вянскаго народа, о чемъ не существуетъ никакихъ письменныхъ документовъ. Чѣмъ больше будетъ собрано подобныхъ памятниковъ, тѣмъ станетъ возможнѣе очертить бытъ народа и его развитіе, завершенное граматностію. Вотъ почему уже въ первой части нашего труда было отрывочно приведено лишь немного фактовъ о грамотности сравнительно съ данными, указывающими на другія стороны минувшей народной жизни. Задатковъ настоящему труду, какъ мы его понимаемъ, въ нашей литературѣ почти нѣтъ, такъ какъ мы не придаемъ такого значенія перечнямъ родственныхъ словъ санскритскихъ и славянскихъ [1]. Мы идемъ

---

[1]) Длинный списокъ родственныхъ словъ санскр. и славянск. былъ составленъ покойнымъ А. Θ. Гильфердингомъ, и напечатанъ въ „Матеріалахъ для сравн. и объяснит. словаря и грамматики, изд. II отд. Академіи Н. 1854 г. Но здѣсь очень значительная часть словъ признана родственными только по внѣшности, т. е. по звукамъ, тогда какъ значенія ихъ далеко расходятся между собою. Напр. чтó за родство между словацк. *брезуля* — пёстрая карова и санскр. *бгрâцъ* -- блестѣть? Или между нащими: костр. *таловать* — воровать и санскр. *таль* — пугать? волог. *тигасить*— красть и с. tig — поврсждать? смол. *тумарь* — скупой и сан. *тумра* — дикій? между чеш. *шискати* — стричь и с. *цішь* — повреждать? и пр. и пр. Рус. глаголъ *хая-ть* — порицать, порòчить, карить, хулить, признанъ родственнымъ сан-му Kĥyâ (206), означающему: повѣствовать, сказывать, прославлять, между

какъ будто бы въ темномъ лѣсу, и по пролагаемой тропинкѣ не пропускаемъ безъ вниманія ничего изъ того, что́ встрѣчается, и что́, про запасъ, можетъ оказаться полезнымъ для цѣли труда — древнѣйшей русьславянской граматности, которая едва мерцаетъ для насъ въ туманной дали путеводною звѣздою. Кажется, нельзя, при такихъ обстоятельствахъ, требовать отъ автора строгаго систематическаго изложенія, которое возможно въ томъ случаѣ, когда бываетъ готово, по возможности, все полное собраніе

тѣмъ какъ онъ тожественъ съ глаг. *кайй́а*-мі, *хая*-ть, отъ коего санскр. отвлеченное рѣченье или т. н. корень *каі* (186) — кричать по вороньсму, каркать; у насъ такимъ образомъ глаголъ этотъ сохранился въ переносномъ смыслѣ: говорить о людяхъ зловѣщимъ ворономъ. Въ народной рѣчи: „охаялъ, окаркалъ всѣхъ"— выраженія тожественныя; кто постоянно все и всѣхъ хаетъ, того называютъ „каркуномъ".

На основаніи одного звуковаго сходства нѣкоторые филологи понаходили въ рус. языкѣ не мало словъ греческихъ, татарскихъ, финскихъ и пр.

Кто бы могъ подумать, что отъ нѣмецкаго: wer da? Носовичъ, въ своемъ бѣлорус. словарѣ, выведетъ *варта!* повторяющійся кликъ ночной стражи, съ семьею словъ и пословицъ?!... Пошовъ на *варту* — на стражу; *вартовацъ* — быть на стражѣ. Слово объясняется санскр. глаголомъ *Вартê* (613) — находиться въ опредѣленномъ мѣстѣ и въ опредѣленное время; соотвѣтетвующее ему существ. *Вартта* (579) — опредѣленное мѣсто и часто повторяемое слово.

памятниковъ, а не тогда, когда еще нужно только разыскивать ихъ. Недостатокъ систематическаго изложенія мы полагаемъ восполнить въ концѣ нашего труда подробными указателями: сводным по предметамъ и алфавитнымъ.

По изложеннымъ обстоятельствамъ я рѣшился дать своему сочиненію измѣненное заглавіе, которое, по моему мнѣнію, болѣе соотвѣтствуютъ его содержанію: „Развѣдки о доисторическихъ временахъ русь-славянскаго народа". Начиная этимъ заглавіемъ вторую часть труда, мы вполнѣ приписываемъ его и первой.

На пути, для русь-славянской филологіи почти еще не проложенномъ, и принимая во вниманіе изобиліе гомонимовъ въ санскр. языкѣ, мы легко можемъ колебаться въ объясненіи значенія синтетическаго слова его разложеньемъ на первоначальныя гомонимическія рѣченія. На-примѣръ, при вѣдійскомъ религіозномъ міросозерцаніи русь-славянскаго народа, полагающемъ поминовеніе умершаго необходимымъ для его блаженной жизни въ другомъ свѣтѣ, идея слова *смерть*

можетъ объясняться и какъ память по умершемъ (Разв. I, 183, 184), и какъ сонъ смертный (*ша, са*, 665, *сô*, — сонъ и *мьрьтï*, 514, *мьрьть*: съ-мьрьть), предполагающій поэтому пробужденіе покойника въ могильномъ жилищѣ и проистекающую отсюда потребность для него пищи, приносимой въ заупокойныхъ жертвенныхъ службахъ. Слѣдуетъ такимъ образомъ ожидать, что, при весьма вѣрныхъ наведеніяхъ, могутъ встрѣчаться и сомнительныя, и никакой изслѣдователь не избавленъ вполнѣ отъ безпрерывныхъ причинъ заблужденія. Мы поэтому долгомъ считаемъ исправлять и пополнять написанное нами, и продолжать такъ до окончанія настоящаго труда; ибо, при дальнѣйшемъ изученіи предмета, обогащаясь новыми научными данными, считаемъ себя гораздо болѣе вънравѣ, чѣмъ Максъ Мюллеръ, повторить его слова: „Рѣдко бываетъ то, чтобъ я безъ ограниченья одобрялъ написанное мною за нѣсколько времени предъ симъ“ (Origine et develop. de la religion, 1879, p. 21).

Просимъ имѣть въ виду сокращенія, принятыя нами, начиная съ этой

книги, въ ссылкахъ на авторовъ и на изданія:

1. При санскрит. словахъ цифры, безъ буквъ впереди, заключенныя въ скобки, указываютъ на стр. Dictionnaire classique sanscrit-français, par Em. Burnouf, avec collaboration de L. Leupol. P. 1866.

2. Цифры съ предшествующими буквами:

a) Gr. или Gras. — на страницы: Wörterbuch zum Rig.-Veda, v. Grassman. Leipzig 1873.

б) Böhtl. — на стр.: Sanskrit.-Wörterbuch in kürzerer Fassung, bearbeitet v. O. Böhtling, St.-Petersburg, 1879.

Большой, такъ называемый петербургскій санскритско-нѣмецкій словарь Бöтлинга и Рота, состоящій изъ нѣсколькихъ томовъ и изданный на средства русской Академіи Наукъ, оказался для насъ недоступнымъ по своей высокой цѣнѣ.

Слѣдующія сокращенныя цитаты означаютъ:

3. Рв. — Річь или Рѣчь-Вѣда. У западныхъ ученыхъ первую Вѣду принято называть Rig-Veda; въ нашемъ трудѣ, начиная съ этой книги, она именуется, какъ

выше показано. И Rig-veda и Річь-Вѣда названіе правильно: первое предпочтено на западѣ по отсутствію въ нѣкоторыхъ языкахъ звука и буквы *ч;* а второму сочувствуемъ мы потому, что оно объясняетъ первоначальный смыслъ нашего роднаго слова *рѣчь*, малорус. *річь*.

Рьќ и *Рьчь* (420) означаютъ:

а) стихъ, стансъ, двустишіе изъ гимновъ Вѣды;

б) самое названье первой Вѣды.

4. Aufr. — Die Hymnen des Rigveda, herausgeg. v. Th. Aufrecht. 2. te Aufl. Bonn, 1877.

5. Lud. Rv. — Dèr Rigveda oder die heiligen Hymnen der Brâhmana. Zum ersten Male vollständig ins Deutsche übersetzt v. Alfr. Ludwig. Prag, 1876.

6. Gr. Rv. — Rig-Veda, übersetzt v. H. Grassmann. Leipzig, 1876—1877.

7. Paut. Br. Rv. — Pauthier et Brunet. Rig-veda. Неполный переводъ, напечатанный въ Les livres sacrés de toutes les religions, sauf la Bible, publ. p. l'abbé Migne, t. II, 1866.

8. Paut. Bs. Sv. — Pauthier et Brunet, Samaveda. Въ томъ же изданіи Миня, т. II.

9. L. M. — Lois de Manou, по переводу

Loiseleur Deslongchamps, напечатанному въ упомянутомъ изданіи Миня, т. II.

10. Вос. — Востоковъ, Словарь церковно-славян. языка, изданный Академіей Наукъ, 1858.

11. Безс. К. П. — П. Безсоновъ, Калѣки Перехожіе, сборникъ стиховъ. М. 1861.

12. Кр. Д. — Древнія россійск. стихотворенія, собранныя Киршею Даниловымъ, изд. 3. М. 1878.

13. Кир. — Пѣсни, собранныя В. П. Кирѣевскимъ. М. 1860.

14. Он. б. — Онежскія былины, записанныя А. Ѳ. Гильфердингомъ. Спб. 1873.

15. Рб. — Пѣсни, собранныя П. Н. Рыбниковымъ. М. 1861.

16. Сах. — Сказанія русскаго народа, собранныя И. Сахаровымъ. Спб. 1836.

17. Чуб. — Труды экспедиціи, снаряженной Русскимъ Географич. Обществомъ. Юго-западный отд., матеріалы, собранные П. П. Чубинскимъ.

Замѣтки о взаимной замѣнимости или сродствѣ звуковъ въ словахъ санскритскаго и русь-славянскаго языковъ.

А, иногда приставляется впереди къ словамъ, начинающимся согласною буквою: *Валакха* и *Авалакха* (569, 55) — бѣлый. Въ русскихъ обл. нарѣчіяхъ: кур. авторникъ, вм. вторникъ; ворон. ащепка, авчера, вм. щепка, вчера; пск. авсегда и проч.

Б. В. *Бала* и *Вала* (461, 569) — войско, армія.
Ба̂лъ и *Ва̂лъ* (463, 575) — купаться.
Ар*б*а̂мі и Ар*в*а̂мі (49) — ранить, убивать.
Ба̂ла̂га (462), рус. *Вòлъга, вълага* — вода.
Джаніт*в*а (Gr. 475), Сборн, 1073 г. (Вос.), женит*в*а, рус. женит*б*а — вступленіе въ брачное состояніе.

Б. П. А*б*да (35) — облакъ, вм. А*п*-да, что значитъ „вододаятель". Въ рус. облакъ, вм. *о̂п*-лакъ, что́ также значитъ „вододаятель".
*П*ацъ (403), малорус. *б*ачъ-і-ти — видѣть.

Бг. Б. *Бгаса̂-мі*, *бгасъ* (475) — блистать, рус. *баса* — блескъ:

> А не для ради красы, *басы*, братцы, молодецкія,
> А для укрѣпушки-то было богатырскія....
> Он. б. 298.

Бгрува (483) — *бро́въ*.

Бгу̂, *бгава̂мі* (477) — *бы́*-ть, *бы*-ва-ть — существовать, первоначально значило „расти“ (M. Muller, Origine et dévelop. de la relig., p. 177), — что́ подтверждается нашимъ словомъ *бы*-ліе, растеніе.

Бг. Св. или Зв. *Бгана̂мі* и *Свана̂мі* (470, 744) — *зван*-и-ть.

Бга̂рі — *звѣ*рь.

В. Въ обл. рус. нарѣчіяхъ этотъ звукъ часто составляетъ губное придыханіе въ словахъ, начинающихся гласною.

Астра (64) — *о́стръ* и *в'остръ* (Разв. I, 87).

Новг. в'атаманъ; также: в'агонь, в'улица, в'усы; бѣлорус. в'армія, в'око, в'окно, в'окунь; архан. в'ой, вм. ой, межд. и проч. Нѣкоторыя изъ такихъ словъ стали даже достояньемъ господствующаго языка, напр. в'отчина. Замѣчанье это имѣетъ историческую важность, какъ увидимъ впослѣдствіи.

В. Л. *Сва̂ду* (746) — *сладакъ*; *свадъ* (744) —

слад-и-ть, дѣлать что́ сладкимъ. Ц*в*ѣтки, бѣлор. к*л*ѣтки Взаимозамѣнимость этихъ буквъ въ рус. языкѣ очень замѣтна: колбаса, во*л*къ, малорусск. ко*в*баса, во*в*къ; хади*л*ъ, плак*а*лъ, малорус. ходы*в*ъ, плака*в*ъ, но въ женск. родѣ возстановляется *л*: ходыла, плакала.

Дра*в*атъ (Gr. 644), дра*л*а — спѣшный бѣгъ. Образно говорится въ гимнахъ Рв. о молитвѣ: „дать ей драла" — дать ей спѣшный бѣгъ, спѣшное теченье къ богамъ. *Дра́, Дру* (Gr. 646, 647), *дра*-ть — убѣгать, спѣшно утекать, удрать, каковое значеніе принадлежитъ и греч. *Δρα-μεῖν, Δρα-μοῦμαι* (см. *Τρέχω*).

В. М. *В*нукъ, въ послѣсловіи Паломника игумена Даніила: *м*нукъ. Ко*м*ната, ко*в*ната:

И привела его въ свою бѣлую во ко*в*нату.
Он. б., 170.

Жи*м*ши, бы*м*ши (Безс. К. П. I, 625), жи*в*ши, бы*в*ши.

*В*но́го, *м*ного (Он. б., 907, 908).

Вслѣдствіе этого собств. имена употребляются въ народномъ творчествѣ двояко: *В*икула и *М*икула (Он. б, 159, 296), *В*олодумеръ царь и *М*алодумеръ царь (Безс. К. П. I, 269, 324).

Г. К. Х. Составители церковно-славян. азбуки,

придерживаясь греч. алфавита, дали очень ограниченный объемъ гортаннымъ звукамъ русь-славян. языка. Мы и теперь должны писать *г* тамъ, гдѣ произносимъ латин. *g*. По этому эти три буквы должны будутъ изображать лат. *g* и *h* и санскр. по латинск. транскрипціи: *g* и *g*' или gh, *к* и *к*' или *кh* и *кх*. Послѣднюю букву западные учёные произносятъ *кш*, но, полагаемъ, неправильно. Этотъ звукъ имѣетъ въ санскр. самостоятельныхъ представителей въ особыхъ буквахъ, тогда какъ въ немъ нѣтъ знака, соотвѣтствующаго греч. и слав. *х*; но его не могло не быть, и онъ есть *кх*, а не *кш*.

Г. Ж. З. Другъ, дру*ж*ба, друзья. *Гара* (749) — *жаръ*, агонь; *гарѣ*-ть.

Гіма (754), *зима* — холадъ, снѣгъ. Русь-славян. слово представляетъ буквальное сходство съ зендскимъ *зіма*, въ каторомъ санскр. *г* имѣетъ постоянную замѣнимость буквою *з*.

Д. З. Во*д*лѣ и во*з*лѣ:

Пьяница во*д*лѣ суду страшнаго стопть.
(Безс. К. П., вып. 6, с. 113 ряз. г.).

Д. Дз. Ц. К. *Дърца* (328) — зерца-ть, зерка-ть, дзерка-ть. Зіркъ — глядь!

Кіра, *кр* (179) = *Ціла* (651) = *діла* — дѣла-ть, бѣлор. дзѣла-ть, дзѣльникъ.
Каркара (144) — зеркала, дзеркала, зерцала. царкала

Д. Ж. Хадить, прахожій. *Кхаджь* (194) — *хажи*-ва-ть.

Д. Т. *Лундъ* и *Лунтъ* (555) — презирать.
Патâ-мі (385) — *пада*-ть.
Волотомеръ, Володумеръ (Безс. К. П., I, Стихи о Голуб. кн.).

Д' или Дг. Св. Зв. *Дгршу*, *дгршта* (348) = *дерзъ*-къ-ій.
Дгвана, *Свана* (350, 744), Звонъ.
Дгванâ-мі, Сванâ-мі, Звани-ть.

Дж. Ж. З. Г. Х. *Джіва* (269) — *живъ*.
*Джа*мъбга (260) — зубъ, пол. ząb; тутъ не носовая гласная, а согласная усѣченная, отъ Джа*мâ*-мі (260), наше: *жамъ*-ка-ть — ѣсть.
Маджжâ (485) — Мозгъ, размозжи-ть.
Джâла (262) — *хола*-дъ.
Бгу*джâ*мі (477) — согнуть, бгугна — согнутый.

К. Ц. Ч. Въ былинахъ встрѣчаемъ: руки, руци, ручи. Царь, чарь.

Тікъ, теке, (278) — течь, малор. тіка-ти — бѣжать: *текутъ* гонцы во всѣ концы.

Кача и Кêца (133, 185), рус. каса — волоса на головѣ.

Кх. Х. З. Западные учёные, какъ замѣчено выше, санскр. *кх* произносятъ *кш*; поэтому у нихъ: *кш*аттра (195) вм. *х*аттъра, *хаттаръ* — воинъ. По ихнему надо бы сказать: *кш*аджь, тогда какъ у насъ есть тожезначущее: *х*ади-ть, *х*ажи-ва-ть.

*Кх*вêла (200), малор. *х*виля — вална, по ихнему было бы *кш*вела.

Впрочемъ *кх*, *х* и *ш* родств. звуки: женихъ зват. пад. жени*ше*.

Ма*кхъ* (484) — *маза*-ть — натирать, покрывать масломъ или другимъ веществомъ.

*Кх*алâ-мі (196) и *Кг*алâ-мі (203) — шататься, бродить, перехаживать; обл. кур. *халя*-ти, брести, тихо хадить. Съ суф. *іка* образуется древне-русское *кал-іка* — странникъ, при чемъ эпитетъ *перехожая* есть только славянская глосса.

*Кх*аджь (194) — *х*ад-и-ть, *х*аж-и-вать.

См. Ш. Кх.

Л. Д. Самулга и саму*д*га (690) — уменьшенный.

Нâ*л*і (359) и Нâ*д*і (358) — трубка.

Джала (262) и Джа*д*а (258) — хóла-дъ.

Санскр. полугласная *Л* и головная (cerebralis) *Д* взаимнозамѣнимы.

На этомъ основаніи *Капâла* (139) — голова, способно было имѣть и другую форму: *капâда*. Къ первой формѣ относится греч. *κεφαλή*, а къ второй — лат. caput и древнерусское *хóбатъ* — голова:

Онъ бѣгаетъ, скачетъ пó чисту полю,
Хóбаты металъ по тёмнымъ лѣсамъ.

Кр. Д. 177.

Изъ этого слѣдуетъ, что въ древн. рус. языкѣ слово *хóбатъ* было гомонимомъ, одно значенье катораго объяснено здѣсь, а другое — въ Разв. I, 373.

Л. Н. Ка*л*âда и Ка*н*ада (148, 136) — обдѣлыватель драгоцѣн. камней.

Л. Р. *Л*акаійâмі и *Р*акаійâмі (548, 530) — вкушать: *лакам*-ства.

Гі*р*âмі и гі*л*âмі (222, 217) — *гьло*-та-ть.

*Р*і и *Р*ічь (Gr. 1163, 1164), бѣлор. *ли*-ць, *ли*-ть — выпускать воду.

*Р*ѣка (544) — страхъ, испугъ; малор. *лякъ*, *ляка*-ть; пол. *l*ęка-ć имѣетъ нос. *е*, катораго въ санскр. словѣ нѣтъ.

Та*р*ка (287), тó*л*къ — изъясненіе, разсужденіе, доводъ.

Връкъ (Gr. 1325), *вóлъкъ* — извѣстный звѣрь

Агрикъ и Агликъ, соб. имя (Безс. К. П. I, 559, 565).

Трипраменно — трипламенно (Антіоховъ Панд., выписки И. Срезневскаго, с. 32).

Пельки мяконьки всё по женскому....
Хочетъ пластать груди бѣлыя.
А видитъ по *перькамъ* что женскій полъ...
(Он. б. 69, 565).

Пѣла (423) — мошóнка, ядра; рус. съ суф. *ка: пѣль-ка* сиськи, жен. груди; идея, связующая оба значенія, выражена отвлечóннымъ рѣченьемъ *пѣль* (423) — колыхаться, качаться, зыбиться. Пласта-ть — бѣлор. праста-ць.

Кîра (179) — Цîла (651), см. Д, Дз, Ц, К.

Русь-слав. суф. *тель* соотвѣтствуетъ санскритскому *теръ* въ именахъ, означающихъ дѣятеля: анвêш-*търъ* — иска *тель*; да-*търъ* — да-*тель*; кар-*търъ* — дѣла-*тель* и пр. Также тождественны суфиксы *аль* и *аръ* (Разв. I, 302, 312).

На взаимозамѣнимости *р* и *л*, представляется иная этимологія синтетическаго слова *дабърô* (Разв. I, 96):

Дâ (315) — даръ, *Бгâла* (474), бърó — свѣтъ: *да-бърó* — даръ свѣта или свѣтлый даръ; отсюда двоякое прилагательное: *дó-бъръ*-ій и *дó-бъл*-ій.

См. также Т. Ч. и Ч.

М. П. *Мутъ* и *Путъ*, *Путгъ* (509, 415, 416) — талóчь. Талченье было древнѣйшимъ способомъ обращенья зерна въ муку: „кто талчётъ, тотъ хлѣбъ печётъ“; „не всякъ талчёкъ, а всякъ ѣстъ“. Плохая водяная мельница у насъ до нынѣ называется: *мутó-въ-ка.* Въ стародавнія времена это была толчея, которая не растирала зернъ жерновами, а толкла ихъ. Весьма вѣроятно, что мутовъки были вѣтряныя и водяныя.

Мута (509) — талченье,

Ва (559) — вѣтеръ, суф. *ка*, примѣта дѣятельныхъ именъ:

Мута-ва-ка, *мутò-въ-ка* — толчея-вѣтрякъ. Съ этимъ словомъ смѣшалось созвучное, имѣвшее другое этимологическое значенье, утраченное народнымъ сознаньемъ: въ него, вм. *ва*, *въ*, входило *а-пъ* (30) — *вода: Мута-апъ-ка*, *муто-пъ-ка* — толчея-водяникъ. Вотъ отъ чего плохая водяная мельница и теперь еще называется мутопкою.

П. См. Б. П. и М. П.

Р. См. Л. Р.

С. Ц. Ш. *Сара* и *Цара* (697, 638) — вода.

Сi и *Шi* (666) — *ши*-ть.

*Сѣ*ръ, бѣлор. *шѣ*ры гуси.

Цада (636) — *садъ.*
Цата (635) — *сто, сотня.*

Т. Ч. Ц. Въ древнихъ рукописяхъ: „Аще воздѣхомъ рукы нашя къ богу *т*оуждему", въ нынѣшн. чтеніи: къ богу *ч*уждему. Отвѣ*т*ъ, отвѣ*ч*ать; чер*т*ить, чер*ч*еніе.

Тâра (278) — лошадь. У насъ, съ переходомъ *т* въ *ч* и *р* въ *л*, произошло отъ этого слова *чалъ-ій* — цвѣтъ шерсти, исключительно приписываемый лошади, у которой къ основной шерсти есть примѣсь другой, или которая одношерста, но съ бѣлымъ хвостомъ. *Чалъ*-ка есть кличка такой лошади. Повѣрье: *чалый* всякому ко двору, а вороной рѣдкому.

См. Р. Л.

Между рус. сродствомъ *т* и *ч* посредствуетъ бѣлорус. *т=ц, ц=ч: ц*асты звѣздушки, *ц*ихо, *цесць* — *тесть*, цёплое лѣцечко и проч.

(Бѣлорус. пѣсни, собр. Шейномъ, 1874). Тамъ же троякое употребленіе вопрос. частицы *ти, ци, чи*: ти я вгадала? и пр.

Х. См. Кх.

Ц. Ч. Ск. *Цудд'а* (452) — чистое, свѣтлое; *цуддійê* — очищать, освѣтлять; рус. *цѣ-*

ди-ть — очищать, освѣтлять жидкость, пропуская ее сквозь сито, палатно.

Нацъ (Gr. 1586), *ночъ*.

Цêша̂-мі, *ці*шь (649), *чес*-нуть — ударить:

Чеснулъ его шляпой пуховою —
Паганъій идолище палъ о матушку сыру землю.
Рб. II, 166.

Ціла и Цаіла (648, 656) тожезначущее малорус. *ск*ела, рус. с*к*ала.

Ч. *Чірiка*, Чілліка, Жджілліка (248, 247, 276) — кузнечикъ, кобылка, сверчокъ; отъ именъ этихъ конкретовъ произошолъ нашъ глаголъ *чирика*-ть, *чилика*-кать. — См. Р. Л.

Ш. З. Ні*ш*ка (374) — залатое ожерелье изъ отдѣльныхъ вещицъ; рус. низка — залатое, жемчужное, бисерное ожерелье.
См. также. Дг., С. Ц. Ш.

Ш. КХ или *Х*. Сну*ш*а̂ (738) — сно*х*а. См. Кх.

Щ. *Щупа́*-мі (255), *щупа*-ть — прикасаться руками, осязать.

Щ. Ч. *Куща* (217) тожезначущее нашему *куча*.

...... L'étymologie changea la face des choses historiques en établissant des connexions qui n'avaient jamais été soupçonnées, et en portant le regard sur des périodes antérieures à l'histoire. Elle a révélé, sinon les faits réels qui sont advenus, du moins les linéaments du cadre, et, grâce à elle, l'étude a fait un progrés dans la reconstruction du passé.

E. Littré.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Синтетизмъ древняго русскаго языка.

Изъ „Развѣдокъ", до сихъ поръ произведенныхъ нами, позволительно, думаемъ мы, допустить слѣдующій, быть можетъ пока еще проблематическій выводъ: современный великорусскій народный языкъ *акающаго* говора есть прямой потомокъ такого-же древняго русскаго языка, который былъ однимъ изъ ближайшихъ діалектовъ санскрита. Онъ, древній русскій языкъ, постепенно, въ теченье вѣковъ, утрачивалъ свои лексическія и формальныя особенности, еще часто однакожъ просвѣчивающія въ Словѣ о полку Игоревѣ и въ народномъ творчествѣ, куда онѣ проникли изъ пѣсней древнихъ баяновъ; въ русскихъ лѣтописяхъ и другихъ письменныхъ памятникахъ русскаго происхожденіи; въ древнихъ рукописяхъ церковнославянскаго извода священнаго писанія, въ которыя перешло не мало словъ изъ несомнѣнно существовавшаго перевода этого пи-

санія на древнемъ русскомъ языкѣ; въ такихъ же рукописяхъ другаго писанія, кромѣ священнаго; въ именахъ днѣпровскихъ пароговъ, засвидѣтельствованныхъ иностраннымъ писателемъ Константиномъ Багрянороднымъ; въ дагаворахъ съ греками нашихъ первыхъ князей, исторически извѣстныхъ. Что же то была за страна въ Европѣ, гдѣ впервые осѣлся древній русскій языкъ, какъ литургическій, поэтическій и даже офиціальный органъ слова и письма? Категорически отвѣтить на это мы теперь повоздержимся, пока не раскроемъ передъ читателями тѣхъ данныхъ, каторыя сами укажутъ имъ географическое мѣсто, гдѣ онъ нѣкогда долго жилъ, гдѣ на немъ произносились слова и вѣдійской религіи, и послѣдующей христіанской, каторую распространяли въ народѣ невѣдомые благовѣстники: „яко инъ есть сѣяй и инъ есть жняй“.

Синтетическій строй словъ составляетъ существенное свойство древняго русскаго языка. Множество фактовъ этого языка доказываютъ, что нарицательныя имена, выражающія теперь опредѣленныя понятія, были нѣкогда синтетическими словами; собственныя же имена произошли отъ синтетическихъ нарицательныхъ. Это между прочимъ доказывается постановленіями Ману: „Имя брагмана, первымъ изъ двухъ словъ, изъ каторыхъ оно слагается, должно выражать ми-

лостивое благоволеніе; имя кхатрія (хатаря) — силу; имя ваисія (веси)—богатство; имя судры—уничиженіе. Вторымъ своимъ словомъ имя брагмы должно означать благоденствіе; имя воина — покровительство; имя купца — щедрость; имя судры — порабощенность. Имя женщины должно быть легкимъ для произношенья, яснымъ, пріятнымъ, благосклоннымъ; пусть оно оканчивается долгими гласными и сходствуетъ съ словами благословенія" (L. M. II, 33 и сл.). Изъ повѣствованій Геродота мы узнаемъ, что онъ часто добивался смысла собствен. именъ, и по смыслу нерѣдко замѣнялъ настоящее туземное имя греческимъ; такъ напр. имя какого-то скиѳскаго племени было истолковано ему въ значеньи чорныхъ одеждъ; онъ поэтому и назвалъ его по-гречески: „меланхлены" — „Бѣ нѣкая ученица Тавиѳа, яже сказаема глаголется „серна". У русскаго народа—та же наклонность знать смыслъ собств. имени; если это ему не удавалось, онъ толковалъ его по созвучію съ знакомымъ роднымъ словомъ: „въ *апрѣлѣ* земля *прѣетъ*"; „Ѳедоръ Студитъ землю студитъ", потому что память этого святаго совершается въ началѣ зимы, 11 ноября, и проч. и проч. Такимъ образомъ разложеніе собств. имени, какъ синтетическаго нарицательнаго, на его первоначальныя составныя рѣченія даетъ намъ дѣйствительное средство

къ объясненью смысла многихъ древнихъ собств. именъ русь славянскаго народа — личныхъ и историко-географическихъ. Слова, кажущіяся намъ теперь простыми или первообразными, были первоначально *синтетическими*, т. е. такими, каторыя скрѣпляли, сливали въ себѣ, такъ сказать, многосмыслie: *συνθετικός* — стремящійся къ соединенью. Въ синтетическомъ словѣ сливались въ одно цѣлое первоначальныя рѣченія древнѣйшего языка, какъ объединенные признаки вновь созданнаго понятія. Отъ того, что этимологическое значенье первоначальныхъ рѣченій по большей части утрачивалось народнымъ сознаніемъ, слова представляются намъ теперь какъ бы алгебраическими знаками, придуманными для различенія однихъ предметовъ, явленій и дѣйствій отъ другихъ. Не кажется ли намъ теперь такимъ знакомъ, напримѣръ, слово *облако?* Синтетическія слова — своего рода исторія, представляющая постепенное расширеніе круга знаній въ народѣ. Это свойство въ превосходной степени принадлежало санскриту, также какъ и древнему русскому языку, каторый въ этомъ отношеніи едва-ли уступалъ греческому и латинскому, и потому справедливо можетъ причисляться къ языкамъ *синтетическимъ*. Что касается до языка *аналитическаго* (*αναλυτικός* — стремящійся, склонный къ раздѣленію); то онъ раздѣляетъ, разлу-

чаетъ (*αναλύει*) слова для лучшаго соотвѣтствія раздѣленію идей. Такое свойство, сравнительно съ упомянутыми древними языками, въ особенности преобладаетъ въ языкахъ романскихъ, происшедшихъ, какъ извѣстно, отъ латинскаго.

Выше было упомянуто слово „облако". Это понятіе въ санскр. языкѣ выражается слѣдующими синонимами и вмѣстѣ съ тѣмъ синтетическими словами, смыслъ каторыхъ опредѣляется составными рѣченьями. Они свидѣтельствуютъ о признакахъ, замѣченныхъ народомъ въ явленьи природы и образовавшихъ идею облака:

а) *Абда* (35) — облако; по сродству *б* и *п*, *Апъ* (30) — вода и *Да* (308, 315) — даятель: *апда* — вододаятель.

б) *Аб'ра* (42)—облако: *Апъ* и *Б'ара* (471)—носящій *апъ-б'ъра*, *аб'ра* — водоносецъ.

в) *Амбуда* (44) — облако: *Амбу* (44) — вода: *амбуда* — вододаятель

г) *Балâгака* (462) — облако; *Балâга* — водá, съ суф. *ка*, означающимъ дѣятеля: водоносецъ.

д) *Вâръдâ* (579) — облако; *Вâръ* (579) — вода: вододаятель.

е) *Ванадâ* (563) — облако; *Вана* — вода: вододаятель.

ж) *Када* (138) — облако; *Ка* (132) — вода: вододаялель.

Значеніе *да́* ко всѣмъ этимъ словамъ объяснено въ п. а).

Тоже самое этимологическое значенье содержится и въ русь-славянскомъ синтетическомъ „облако“, а по начертанью въ Остромировомъ ев. — *облакъ:*

Апъ (30), а по сродству *п* и *б*, *о́бъ*—вода,

Ла́ка, *ла́къ*, отъ *Ла́* (552) — давать, съ суф. *ка*, *къ*, означающимъ дѣятеля, (какъ напр. въ санскр. *наійа-ка* — вождь, *нарта-ка* — плясунъ, или въ русскомъ: бала-*ка*, гуля-*ка*, рубака и пр.); *ла́къ* — даятель; *о́бъ-ла́къ* — вододаятель.

Если спросить у нашего простаго человѣка: что такое облакъ? Въ отвѣтъ, онъ укажетъ пальцемъ на небо и скажетъ: вотъ облакъ, т. е. укажетъ конкретъ, не сознавая этимологическаго смысла слова, каторое уже сдѣлалось для него простымъ звуковымъ знакомъ предмета. Если же небо чисто, онъ скажетъ: облакъ — это бѣловатая туча. — А что такое туча? — Тотъ же облакъ, да только почернѣе. Въ Рѣчь-В., *туча* (307; Gr. 538, 564) — обтягивающая, покрывающая, употребляетея сказуемымъ къ облаку: облаки *тучатъ* небо, т. е. вододаятели затягиваютъ небо.

2. *Рыба: Рі* (Gr. 1163), *ръ* — двигаться, плавать;

іпа — вода (28, вмѣсто *âпа*, какъ напр. въ санскр. антар-*іпа*'(28) — островъ, а дословно: среди воды, срединодье:

Ръ-іпа по сродству же *п* и *б*: *ръ-іба* — движущаяся, плавающая въ водѣ.

4. Таково же синтетич. слово „рѣзвы ноги“— „быстро-вѣтро-ходныя“ ноги (Разв. I, 182).

5. Замѣчательны два санскр. тожезначущія слова, давшія происхожденіе въ русь-слав. языкѣ двумъ родственвымъ идеямъ:

а) *Ца́ра* (638) — стрѣла: по способности санск. *ц* переходить въ русь-славян. звукъ *ск*, образовалось *скоръ* въ метафорическомъ смыслѣ: быстръ какъ стрѣла.

> Съ чиста поля наѣхалъ онъ *скорымъ* гонцёмъ....
> И приходитъ посёлъ да *скоро*вѣстный,
> Приходилъ посёлъ да изъ чиста поля....
> Тутъ будетъ Волги *скора* смерть.
>
> Он. был., с. 42, 864, 16).

Буди всякъ человѣкъ *скоръ* послушати, а му́дънъ глаголати (Пондектъ Антіоха, XI в., изд. Средневскаго, с. 42).

б) *Сіта* (713), *сътъ* — стрѣла,

Рê, *рî* (120) — разить, губить, убивать,

Ла (548) — Индра, богъ войны:

Сътъ-рѣ-ла, синтет. русь-слав.: стрѣлоразитель Индринъ: „О всехвальный Индра, стрѣло-

разитель“ Aufr., VI, 27: 5—7). Ясно, какую великую важность для первобытнаго народа имѣло это оружіе, каторому онъ приписывалъ божественно происходеніе, и несомнѣнно вынесъ его изъ индійской прародины.

Съ рѣченьемъ *Mi* (506) — вергать, бросать, лукать, образуется: *сътъ-ре-мі*-ть—стрѣлу губительную лукать; возвр. гл. *стреми*-ть-ся — стрѣлою губительно бросаться, въ переносномъ смыслѣ: стрѣлообразно бросаться къ намѣченной цѣли.

6. *Пата* (385) — непрерывное стремленіе, токъ, паденіе; *Апа*, *апъ* (30) — вода: *пат-âпа патóпа* и *патóпъ* — непрерывный стремительный токъ воды:

Сохраненъ будетъ тотъ человѣкъ,
Отъ *водяной патоп*ы
Помилованъ отъ Бога...
(Безсоновъ, Кол. перех., VI, с. 141, болх. д. орлов. губ.

7. *Колбаса*, нынѣ названье кишки, начиненной рубленнымъ свинымъ мясомъ. Это синтетич. слово замѣчательно тѣмъ, что въ немъ уцѣлѣло древнее имя свиньи, вынесенное русь-славянскимъ народомъ изъ Индіи:

Кôла (187), кôлъ, — свинья,
Б'аса (Gr. 930) — яство, съѣдомое, пища:
Кôлъ-баса — свиноядная пища, свинина.

8. Въ Русской Правдѣ мы встрѣчаемся съ названьемъ быка *говядъ:* „Аже убіють огнищанина у *говяда* или у коровьѣ татьбы...“ (изд. Калачова, I, 20). Это опять памятникъ объ индійской прародины русь-слав. народа, потому что уже въ Рѣчь-Вѣдѣ мы встрѣчаемся съ именемъ

Гаваййа (Gr. 388), *гавьа* — разновидность индійскаго быка (bos gavaeus). Глагольный суф. *Адъ* (Gr. 33) — съѣдомый:

Гавьа-адъ, гавядъ, окающ. *говядъ* — быкъ съѣдомый.

Адіна — яство, ядь, рус. форма отъ *Адмі, Адійе* (15) — ѣсть: *Гавьа-адіна*, *гавядина* — бычачья ядь или мясо.

9. *Гълазъ.*

а) *Кга* (200), *гъ* — впадина, яма, пустота.
Лака (548), *лазъ* — лобъ;
Гъ-лазъ — впадина, яма лобная;

„Ни *глаза* во *лбу*, ни зуба во рту“.
„Выше *лба* не живутъ *глаза*“.
„*Глаза ямы,* а руки грабли“.

б) *Кьга* (200), *гъ* — общее названье органа чуствъ:

аа) *Лаккъ* и *Ладжъ* (548, 549) — смотрѣть; дѣлать что виднымъ. И *кха*, и *джа* способны

переходить въ наше *за: гъ-лазъ*—органъ смотрѣнія, видѣнія:

„Тутъ нуженъ *глазъ*“ — присмотръ.
„*Видитъ глазъ,* да рука не сягнетъ“.
„Царскій *глазъ* далеко видитъ“.
„*Глазами гляди,* рукамъ воли не давай“.

бб) *Ласъ* (552) — окидывать; освѣщать: *гъ-лазъ*—органъ окидыванья, объема, освѣщенія:

„Гдѣ *глаза окинутъ,* тамъ жаль покинуть“.
„*Окинь* мѣсто *глазомъ*“, или: „смѣряй *глазомъ*“.
„*Глазъ мѣра*“.

в) *Ладжъ* (549), *лазъ*—стыдиться: *гъ-лазъ*—органъ стыдѣнія:

„*Глазамъ*-то́ *стыдно,* а душа-то рада“.
„*Безстыжіе глаза*“.

10. *Ко́лпица* — древне-русское слово:

Утого-то вѣдь у Добрынюшки
Была малая служапочка;
Обернулась она да *малой ко́лпицей,*
Слетала она до во чисто́ поле....
(Он. был., с. 178).

Ѳ. Гильфердингъ при этомъ замѣчаетъ: „пѣвецъ говорилъ, что не знаетъ, какого рода эта птица. На лужицко-серб. нарѣчіи *кольпь* значитъ лебедь“. И дѣйствительно:

Калль (150) — пѣть; *Апъ* (30) — вода,

Ка (132) — летающее, воздушное, птица: *калл-апі-ка*, *каль-пи-ка* — поющая водяная птица, т. е. лебедь (Разв. I, 83). Въ сербско-луж. исчезъ суф. *ка*, *къ*, почему и оказалось *кольпь*— поющая водяная, синонимъ лебедя. Но дѣло въ томъ, что лебедь — большая птица; а въ былинѣ говорится о „*малой* ко́лпицѣ", и слѣдоват. соотвѣтствующее этимог. значенье должно отыскать въ гомонимѣ: *Калль* — пѣть; *Піка* (410), *к*=*ц*, *піца*, — индійская кукушка: малая *ко́л-пица* — „малая *поющая* индійская *кукушка*".

Замѣчательно, что народная память, даже позабывши конкретъ, соотвѣтствующій имени, вѣрно, и дословно сохранила слово, какъ памятникъ объ индійской прародинѣ русь-славянскаго народа.

11. *Калла* (204) — кожа; *ава* (51) — покровъ, защита: *Халь-ава* — кожаная защита, кожаный покровъ, малорус. названіе сапожнаго голенища; въ немъ вѣрно удержалось акающее произношеніе, тогда какъ въ польск. cholewa.

12. Вада.

Слово это сложено изъ двухъ рѣченій: *Ва* (559), что́ у насъ теперь называется конкретно вадою, т. е. жидкою стихіей, утоляющею жажду,

и *Да* (308) — гара. Никто не рѣшитъ, почему эти предметы названы *ва* и *да*: это первоначальные не разлагаемые элементы языка, образовавшіе синтетическое *ва-да*, по анализу „жидкая стихія горная". Тутъ представляется намъ рѣченье *Ва* въ его общемъ значеньи жидкой стихіи, опредѣленномъ обстоятельственнымъ *Да*. Эти рѣченья, опредѣляемое и опредѣлительное, съ утратою сознанья о ихъ значеньи, слитно пріобрѣли въ нашемъ языкѣ общій смыслъ первоначальнаго *Ва*. По этимологическому же значенью своему, они указываютъ на первобытную русь-слав. родину, расположенную у горъ, каторыя своими истоками орошали ее, что̀ подтверждаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ нашъ анализъ слова „гара" (Разв. I, 84).

Въ нѣмецкомъ языкѣ, общая идея, выражаемая рѣченьемъ *ва*, имѣетъ обстоятельственнымъ опредѣленьемъ слово *Цара* (638, 697) — озеро, прудъ, ставокъ: *ва-церъ* или wasser — вода озерная, прудовая, стоячая. Тутъ ужъ мы видимъ иную топографію для германской прародины: она не орошалась горными истоками; она была обширною равниною, годною для пастбища, для пастушьяго быта, гдѣ весенніе водные потоки, собираясь въ логахъ и балкахъ, задерживались плотинами.

Санскр. *Уда* (99) было первоначально эпи-

тетомъ *ва:* ибо оно сложено изъ *У* (93) — гремѣть и *Да* — гора: горногремучая. Также: *Авδда* (58): *ава* (51) — внизъ движущійся *у* — гремучій; *да* — гора: *ав-δ-да* — низтекающая горногремучая. Оба слова, уда и авδда, стали наконецъ синонимами *ва.*

Полагаемъ, что *уда,* въ значеньи вады, съ приставкою въ греческ. *орос, ор* — гара, образовало *уда-ор, ὕδωρ* — вада гóрная, чтó, позже, также пріобрѣло общій смыслъ *ва,* вады вообще. — Латинское aqua — синонимъ русь-слав. *ва-да,* ибо *Ака* (7) — гара: *акъ-ва* — горная вада.

Аналогію съ этимологическимъ значеньемъ словъ *вада* и *увδда* представляетъ еще санскр. имя конкрета *Нада* (352) — рѣка, патокъ; въ составъ его вошли элементарныя рѣченія:

На (351) — даръ, даянье. Въ этомъ значеньи оно донынѣ сохранилось въ русскомъ языкѣ, какъ частица, выражающая даяніе чего-либо изъ руки: *на* тебѣ на арѣхи, на калачи; *на* тебѣ хлѣба.

Да (308) — гара: *На-да* — даръ горный, метафорическое названье рѣки, патока, какъ благодѣянія, подаваемаго гарою, и обратившееся въ наименованье самого конкрета. Паденьемъ съ высоты вада естественно производила зыкъ, шумъ, и этотъ признакъ былъ отвлеченъ и вы-

раженъ рѣченьемъ *Надъ* (352), каторое, подобно прочимъ, *несправедливо* называется у грамматиковъ корнемъ, означая отвлеченную идею зыка, шума *).

13. Пикте (Les Origines indo-europ., 1878, I, p, 74) полагаетъ, что отъ крн. *Млешъ* (519) — говорить варварскимъ, т. е. не арійскимъ языкомъ, непонятно, — происходитъ древнее славянское *млъчати* и русское (недревнее?) *малчати*, и что этотъ глаголъ „несомнѣнно означалъ бормотать тихо, не говоря", т. е. означалъ то, для чего въ былинахъ существуетъ особое выраженіе: „мычать по татарскому"; а это не значитъ малчать. Можно догадываться, куда мѣтилъ Пикте: онъ имѣлъ въ запасѣ имя *нѣмца*, русь-слав. названье германца, будто бы происшедшее отъ слова нѣмой; но эта нелѣпая филологическая доктрина будетъ опровергнута нами въ своемъ мѣстѣ.

Малчать выражаетъ идею не только не говорить, но даже и голоса не подавать, какъ видно изъ нашего народнаго сравненья: „малчитъ какъ стѣна, какъ пень". Будучи синтетическимъ, оно абразавалось изъ рѣченій:

Мгръ (543), при р=л, *мглъ* — мертвецки, по мертвому.

*) Объ этомъ наша рѣчь впереди.

Цатъ (635), при ц = ч, *чать* — совершенно не говорить, безмолвствовать:

Мълъ-чать, малчать — мертвецки безмолвствовать, не говорить. Это подтверждается обычнымъ у нась изрѣченьемъ: „малчитъ какъ мёртвый, какъ неживой“.

Мара (503) — смертный, откуда санскр. *Мала* (504), *мълъ* — челавѣкъ; съ суф. *аль:*

Мъл-ча-аль (Вост.) — человѣкъ безмолствующій. Наложившій на себя религіозный обѣтъ малчанія есть *мъл-ча-аль-ні-къ*; санскр. суф. *ка, къ* есть примѣта именъ, означающихъ дѣятеля (*найяка* — вождь). *Ні* — водить, править; слѣдов. „малчальникъ“ аналитически значитъ: „человѣкъ малчанія водитель, правитель“, человѣческаго малчанія правитель или правила блюститель.

14. *Горло:*

а) *Гала* (214), по взаимозамѣнимости *л* и *р*, *гара* — пищепроводъ, глотало; шея. Санскр. глаголы *галâмі* и *гарâмі* (214, 224).

Гара (212) — пищепроводъ, глотало; глаг. *гарâмі* (222).

Джъра — другая форма предъидущаго; глаг. *джарâмі* (272).

Гірâ (216) и *Гара* — голосъ, пѣнье; глаг. *грнâмі.*

Изъ этихъ конкретныхъ именъ санскр. грам-

матиками выдѣлено одно гомонимич. отвлеченное рѣченіе *Гръ* (222), означающее: аа) ѣсть, глотать, жрать; бб) издавать голосъ, пѣть.

б) *Лá* (552) — хватанье;

Гара-ла — гóръ-ло, гíръ-ло, жерело: пищепроводъ хватающій. Этимологическое значенье это теперь выражается аналитически: „*хватить* чарку“ значитъ проглотить содержимое въ ней; „*хватилъ* горячаго до слёзъ“ — проглотилъ горячаго; „кобыла вздыхаетъ, а траву *хватаетъ*.

Въ метафорическомъ смыслѣ, гóрла, гірло, джерело, означаютъ проводникъ рѣчныхъ водъ въ море, какъ пищи въ чрево. „Волга вътечетъ семьдесятъ *жерелъ* в море Хвалисьское“. Днѣпровскія *гирлы*.

в) Понятно, что одинъ и тотъ же органъ служилъ проводникомъ и для пищи, и для голоса. Поэтому *горло* (гіра, гара) нѣкогда означало и голосъ“: Възопихъ *гърломъ* великимъ — „голосомъ громкимъ, *φωνῇ μεγάλῃ*, (Вост.); *гърлистый*— громогласный. — Съ приставкою *Ні* (377) — водить, образовался нашъ глаголъ: *гарла-ни*-ть— голосомъ водить. „Твой хоръ гарланитъ вздоръ“.

г) *Гíра, гъла* — голосъ, пѣніе;

Гала, гóлъ — шея, горло, глотка.

Изъ соединенія образовалось рус.слав. синтетическое *гъла-гóлъ*—голосъ гарлавой, впослѣд-

ствіи — слово; *гьла-гóла*-ти — издавать звукъ, говорить.

д) *Гала, гъла,* — шея, горла;

Жджа (275), *ззъ, съ* — звукъ, зыкъ: *гала-съ, гóла-съ, гъла-съ* — горловый звукъ (Вос., *φωνή*, vox).

е) *Гръло, джерело,* (гала, гара) имѣло также, въ нашей древней письменности, значенье шеи (Вос., *τράχηλος*), какъ видно изъ рукописи XI в. (Слова Григорія богос.); отсюда наше, съ суф. *ійа, о-жерели-е* (*περιστόμιος*) — одежное украшенье *около шеи.* Съ нимъ былъ смѣшанъ гомонимъ и вмѣстѣ синтетич. слово, различіе котораго отъ предыдущаго позабыто; это:

Оджа (129), *ожъ* — золото; полированныя металлическія вещи; *Джерело*, съ суф. *ійа*: *ож-жерел-ие.* Въ древней письменности имъ было переведено другое греческ. слово: *περετραχήλιον* (ожърелие) залатое и вообще драгоцѣнное украшенье, *висѣвшее кругомъ шеи.*

15. *Гіма*, (754), *гéмъ*, а съ замѣною *г* родственными *ж, з* (другъ, друзья, дружe,) — *жемъ* — перлъ;

Чôха (252), *чухъ* — ясный, чистый:

Жемъ-чухъ — перлъ ясный, чистый.

16. *Благо*, синонимъ *дабра* (см. здѣсь, стр. 8, и Разв. I, 96); оба, и древле, и нынѣ, пред-

ставленія матеріальныя, по аналогіи преобразившіяся въ духовныя, какъ конкреты въ отвлеченія:

„Душе, имаши много *блага* лежаща на многа лѣта: почивай, яждь, пій, веселися“. Въ рус. переложеніи: „Душа! много *добра* лежитъ у тебя.... (Лук. 12: 19).

„И изыдутъ, сотворшія *благая*, въ воскрешеніе живота“. Въ рус. „И изыдутъ, творившіе *добро*... (Іоан. 5: 29).

Въ народной рѣчи: „Всякое *дабро* прахъ; всякъ въ своёмъ *дабрѣ* воленъ. — „За *дабро* Богъ плательщикъ“. — „Много *блаіоты* было у нихъ, и животами, и хлѣбомъ, да всё прахомъ пошло“. Короче, *дабро* и *благо*, въ матеріальномъ смыслѣ, есть то, чтó народъ называетъ „житьемъ бытьемъ“:

Пропилъ-промоталъ всё *житьё бытьё* своё.
(Он. б., с. 322).

Гô (223) — быкъ и карóва, существенное имущество первобытнаго арійца. Уже въ вѣдахъ это конкретное понятіе расширилось до объема, въ каторый входило всё, чтó способно доставлять человѣку довольство, наслажденіе, утѣху, радость, какъ-то: свѣтъ, агонь, солнце, священное слово, жертвоприношеніе, мать, карова и проч. Въ такомъ широкомъ объемѣ *гô* составило часть

рус. синтетитическаго слова, именно въ связи съ *Б'âла* или *Бгâла* (474) — свѣтъ:

б'âла-гô, *бôлаго*, *бълаго* — свѣтъ-житьё-бытьё.

Съ санскр. прилагательнымъ суф. *îйа*, русьслав. *îй: благъ-îй*. — *Та* есть также санскр. суф. отвлеченныхъ именъ, съ каторымъ слово донынѣ сохранилось: *благо-та*.

Въ идеѣ дабра выразилось житьё-бытьё, какъ даяніе, даръ баговъ: Свѣта и Агні, видимыми представителями каторыхъ были: солнце и агонь:

Дâ—даяніе, даръ, *б'â*—свѣтъ, *ра* (530)—агóнь: *Дâ-б'â--рâ*, *да-бъ-рô* — свѣта и агъня даръ. — Съ суф. *îй* — *дô-бъ-ръ-îй*, съ отвлеч. суф. *та*: *да-бъ-ра-та*.

Въ одномъ изъ гимновъ Рв. взывается къ солнечному владыкѣ Индрѣ: „о Индра! да снидетъ на меня *щирокій свѣтъ*, изгоняющій страхъ (Max. Müller, Origine et de velop. de la religion, 1879, p. 212). — Какъ видно, въ древнемъ рус. языкѣ нѣкогда употреблялись синонимы *бгâ* и *бгâла*, уступившіе мѣсто синониму *Цвîтъ*, *Цвêта* (Gr. 1435) — *свѣтъ*. Четвертый синонимъ *Дîйу* (Gr. 640), отъ катораго лат. Deus и греч. Ζεύς. Вѣроятно, что *бгâ* и *бгâла*, въ словахъ дабъро и *бълаго*, были употреблены первоначальными

русь-славянскими предками въ смыслѣ Deus и *Ζεύς* — богъ свѣта, отецъ свѣта (M. Müller, ib. p. 252).

17. Однослож. рѣченія первоначальнаго арійскаго языка, каковы напр., *ва* — вада, *да* гора и проч. изъ каторыхъ созидались для новыхъ понятій слова синтетич., и теперь еще узнаваемы въ санскритскомъ языкѣ. Возмемъ, напр., синтетич. наименованіе бога Агні *Гара* (749); оно составилось изъ односложныхъ: *Га* (747) небо и *Ра* (530), агонь: небесный агонь или огненное небо. Въ такомъ значеньи слово сохранилось донынѣ въ русь-слав. языкѣ, пот. что *гара*, по срод. *г* и *з*, есть *зара*, *заря* — огненное небо, обыкновенно видимое передъ восходомъ солнца и по заходѣ его: „солнце садится *зарно*" — въ огненномъ небѣ.

Гара, съ суф. *на*: гара-на, служитъ въ сан. языкѣ названіемъ золота; а въ зендскомъ — *зара* имѣетъ такое же значенье безъ всякаго суфикса; но ни то, ни другое не означаютъ зари. Въ рус.-слав. языкѣ, по сродству *р* и *л*, *гара, зара* принялъ форму *зала*, куда присоединено рѣченіе *ту* (278), *то* — необдѣланное золото, находимое въ природѣ какъ металлъ. Слѣдов. *зала-ту*, *зола-то* аналитически значитъ „небесно-огненный металлъ", т. е. сіяющій небес-

нымъ огнемъ или зарею. Хотя мы давнымъ давно позабыли родственную связь зари и золота; но въ обыденныхъ рѣчахъ она нерѣдко высказывается безсознательно: „*зарно вызалачена* глава на церкви“.

Пикте также старался привесть лат. aurum, золото, къ идеѣ зари, *уша* (117); но для этого онъ предположилъ въ первонач. ар. языкѣ проблематическое слово usa, âusa, въ которомъ на мѣсто *s* стало *r*, и такимъ образомъ произошло aur-um (Les origines indo-europ., 2-e ed.,, t. I, п. 183).

Въ самомъ дѣлѣ, какой признакъ въ золотѣ могъ прежде всего произвесть впечатлѣніе на первобытнаго арійца, если не блескъ, напомнившій ему и зарю, воспламеняющую небо, и пылающій красный агонь, добытый имъ ударами по кремню или треньемъ дерева? Этому исконному опредѣленью отличительнаго признака въ арійскомъ сознаніи языкъ нашъ до сихъ поръ остался вѣренъ, какъ о томъ свидѣтельствуютъ въ народномъ творчествѣ постоянныя эпитеты золота „красное, червоное“.

а) *Кръсану* (182), *красънъ* — агонь: красъно зблато — агневатое или свѣтло-огненное золато.

б) *Чāрвî* (244), *чарвъ*, *червъ*—свѣтъ, блескъ; *Вāна*, *Ванî* (575, 563), *вōнъ* — агонь; суф. *îйа*: *чер-вōнъ-îй* — свѣтло-огненный.

Оба прилагательныя являются такимъ обр. качествомъ отвлеченными отъ конкрета, именно отъ агня, и представляютъ аналогію съ его блескомъ и пвѣтомъ.

Съ прилагат. *червоный* смѣшалось, въ народномъ сознаніи, слово инаго этимологич. происхожденія и потому сдѣлавшееся гомонимомъ:

Кръмі (132), при *к=ч* и по взаимозамѣнимости *м* и *в*. наше *чръвъ*, *червъ* — насѣкомое кошениль, дающее огнецвѣтную, багряную краску, съ каторою оно поэтому и отождествлено;

Ва̂на (576), *вонъ* — засушеный на вѣтрѣ: *черв-вонъ*, церк.-сл., *чръвенъ* (Вос.) — насѣкомое червь засушеное на вѣтрѣ (канцелярское сѣмя) или красноцвѣтъ, имъ доставляемый; съ суф. *ійа* — *черв-вонъ-ій* — огнецвѣтный или красный:

Що бъ наша княгыня
Була *червона*, якъ калына.
А в городи *червоная рожа*;
Ой тамъ да щипала дивочка рожу...
(Чуб., т. IV, с. 91, 138)

Мѣсяцъ іюль, бывшій парою собиранья и сушки этого насѣкомаго въ югозап. краю русс. земли, называли въ древности *черв-вѣнъ*, сушка насѣкомаго, что́ уже само собою указываетъ на ту великую важность, какую нѣкогда имѣла эта промышленность въ городахъ, называемыхъ по тому самому въ нашей исторіи *Червенскими*, и

въ странѣ, извѣстной подъ именемъ *Червоной Руси*. Тамъ, какъ и въ нынѣшней Кіевской губ., было очень распространено растеніе coccusillius, способствующее разведенію червя.

Съ присоединеннымъ словомъ *Вѣца* (619), *вецъ* — одежда, образуется *черв-вецъ* — насѣкомое для крашенья одежды.

Первоначальная буква *м* сохранилась въ цсл. *чермъ*-ный — красный; оканчаніе представляетъ сліяніе суффиксовъ *на-йіа*, *нъй*: Чермьное море, т. е. окрашенное червемъ, Красное.

Нѣсколько примѣровъ, изъ множества здѣсь приведенныхъ, достаточны для того, чтобъ имѣть понятіе о синтетическомъ свойствѣ древняго русскаго языка. За этою особенностію читатель можетъ самъ слѣдить въ нашемъ дальнѣйшемъ изложеньи, какъ могъ встрѣчаться съ нею и въ I томѣ настоящаго труда. Авторъ думаетъ, что имъ впервые обнаруженъ, въ области отечественнаго языковѣдѣнія, синтетичекій строй русьславянскаго языка.

Примѣчаніе. Слѣдующіе стихи изъ малороссійскихъ пѣсень очень харашо выражаютъ отношеніе между золотомъ, агнёмъ, краснымъ и червоннымъ:

Ой *красна*, красна калина въ лузі.

(Чуб. III, с. 290).

Въ стихахъ же, вышеприведенныхъ въ последней статьѣ, калина называется *червонною*.

Шуба на ній за сто золотыхъ,
За сто золотыхъ за *червонныхъ*.
(Ibid., с. 290).

А що горить безъ жариння?
Золото горить безъ *жариння*.

Варіантъ: *золото* горить безъ *поломиння* (безъ пламени).

(Ib., с. 315).

Примѣч. къ стр. 32. Отъ *Го*, въ объясненномъ значеньи, происходитъ, съ прилагательными суф. *іна—ійа*, малорус. слово *го-інъ-ій*, *гойный*— достаточный, изобильный, богатый. „Даруй вамъ, Боже, жити *гойно* и неубойно". (Чуб. III, с. 371). У Петра Могилы: „*гойного* благословенства зычимъ".

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Акающій и окающій говоры русь-славянскаго языка.

Нынѣшній русскій языкъ *акающаго* говора остался вѣренъ діалектическому различію своего предка отъ санскрита, измѣняя *а*, въ случаѣ паденія на него ударенія, въ *о* и рѣже въ другія гласныя. Напр., санскр. указат. мѣстоименіе *Ава* (Gr. 124) есть наше *óвъ* — тотъ, этотъ; обл. вят. *óвадни* — того дня, намедни. — *Ана* (Böhtl. 37), *óнъ* — личн. мѣстоим. 3-го л.; санскр. мѣстоименіе ср. рода *татъ* есть наше *тóтъ* муж. рода, востановляющее первоначальное *а* въ косвенныхъ *таму*, *тавò*. — Въ многовѣковомъ искаженьи словъ наиболѣе оказываетъ сопротивленья порчѣ тотъ слогъ, каторый принимаетъ ударенье. Но въ акающемъ говорѣ адно и то же слово, при деклинаціонныхъ и другихъ измѣненьяхъ, имѣетъ переходчивое ударенье; хóладъ, халадà, халóдный, халадѣть; галавà, галóвъ, гóлавы; дабрó, дóбрый, дабрата, и проч. Изъ этого слѣдуетъ, что въ акающемъ говорѣ всѣ

слоги, какъ способные принимать ударенье, въ одинаковой степени обладаютъ силою противиться искаженьямъ словъ. Эта формальная сторона его служитъ залогомъ древности и чистоты самого языка. Просодическое удареніе въ языкахъ заявляетъ себя тѣмъ, что оно дѣлаетъ сильнымъ тотъ слогъ, на каторый падаетъ, ослабляя въ то же время, и потому самому сокращая и подчиняя себѣ прочіе слоги. Вотъ почему нѣкоторыя славянскія нарѣчія окающаго говора, усвоивъ какое-нибудь одно изъ переходчивыхъ удареній въ словѣ акающаго говора, сообразовали съ нимъ и всё строеніе слова. Такъ произошли: отъ *палóнъ*, польск. *plon*, слав. *плѣнъ;* отъ *харóбръ-їй* — чеш. и пол. chróbry; отъ *катóръ-їй* (санскр. катара) — пол. który; — далѣе, польскія wróta, płótno — отъ косвенныхъ *варóтъ*, *палóтенъ* и пр. Аналогическій примѣръ происхожденія удареній отъ косвенныхъ падежей представляютъ намъ, напр., французскія douleur, labeur, отъ латинск. dolórem, labórem и пр. Санскр. *Сата* (635), паденьемъ ударенья на второй слогъ, образуетъ русское *сътó;* но *а* перваго слога возстановляется и чрезъ ударенье переходитъ въ *о* въ словѣ *сóтъ-никъ* *). Въ та-

*) Здѣсь *никъ* образовано изъ санскр. *Нї* (377) — вожденіе, руководство, и суф. *ка*, примѣту именъ дѣятелей: *нї-ка*, *нікъ* — вождь; „сотъ-нікъ“ — сотенный вождь.

кой просодической формѣ слово это встрѣчается уже въ Остромир. евангеліи, и она есть древнѣйшая русь-славянская, а нэ *сътъ-никъ,* каторая, вопреки мнѣнію Буслаева (Истор. грам. рус. яз., изд. 4, стр. 40), есть форма позднѣйшая и искаженная по-крайней-мѣрѣ орфографически, ибо едва ли можно допустить ея бувальное произношенье; по *хомову* чтенію (о которомъ скажемъ ниже) это — *сдтеникъ.* — Русское народное акающее произношенье нарѣчій: *тада*, *када*, имѣетъ для себя положительное основанье въ санскр. буквальномъ начертаньи этихъ словъ въ вѣдахъ (Gr. 283, 138); но не явна ли искусственность начертанія ихъ въ Остром. еванг. *тъгда*, *къгда?* Еще далѣе уклонились отъ положительной основы чешскія: kdy, tehdy, польскія: kiedy, tiedy.

Въ акающемъ говорѣ переходъ *а* въ *о* бываетъ преимущественно подъ условіемъ полногласія слова; но если предъидущій акающій слогъ, ударяемый, или неударяемый, усѣкается, — то слѣдующій удерживаетъ *а*, хотя-бъ на него падало ударенье. Такъ *халòдъ*-ный — полногласная форма; при усѣченьи слога *ха*, получается *хъла́дъ*-ный; *хòладъ* — *хъла́дъ*; *маро́зъ* — *мъра́зъ*; *харо́бъръ-ій* — *хъра́бъръ-ій*. — Санскр. *Бала̂га* (462) — вада, переходитъ въ русское *Вòлъга* производныя: *во́лъгъ*-нуть — пропитываться вадою, *вòлъгъ*-лый. Но съ усѣченьемъ перваго слога

образуется *вла́га*, *вълажъ-ный*. *Бо́лаго*, *булаго*. — Въ *сата*, не смотря на усѣченье перваго слога, второй слогъ *та* переходитъ въ *то́*, потому что это конечный слогъ: *сътѐ*; оно такимъ образомъ изъ двусложнаго обратилось въ односложное.

Предполагается, что въ первоначальномъ арійскомъ языкѣ существовало основныхъ гласныхъ только три: *а*, *у*, *і*; *о* есть будто бы исключительный результатъ соединенья *а* и *у* (Th. Poesche, Die Arier, 1878, S. 108). Дѣйствительно, стеченье этихъ двухъ гласныхъ могло обращать ихъ въ *о* для экономизаціи и гармоніи звуковъ, хотя впрочемъ мы не видимъ, чтобы, напр.. нѣмецкія kauf, faust непремѣнно перешли въ kof, fost. Казалось бы, что *о* должно было бы разѣшаться въ свои составныя звуки *а* и *у*; а между тѣмъ это не подтверждается наблюденьемъ, такъ какъ въ малор. нарѣчіи *о* переходитъ *і*, и на оборотъ — *і* въ *о*: *к*оса — *кі*сонька, поклонися — покл*і*нъ, агонь — ог*і*нь, стой — ст*і*й, р*і*къ — рочокъ. Это повидимому замѣтно и при переходѣ санскр. словъ въ русскія, напр. *Діркга* (Gr. 610), при *р* = *л*, долгъ-ій, имѣющія тождественное значенье; но тутъ очевидно вліяніе ударенья на первомъ слогѣ, ибо глаголъ *дъракга-йамі* (335), *дългжи*-ть, полногласное *далгжи*-ть — дѣлать что долгимъ.

Поэтому слѣдуетъ признать, что въ чело-

вѣческомъ голосѣ гласная *о* столь же естественна, какъ и выше указанныя *а*, *і*, *у*; только въ образованьи первоначальныхъ арійскихъ словъ, судя по санскр. языку, она слишкомъ мало участвовала. Въ русскомъ словѣ, *варата* (Разв. I, 155) мы не видимъ присутствія *у*; а между тѣмъ въ немъ изъ трехъ *а* одно, въ род. мн. ч., переходитъ, въ силу ударенія, въ *о*: варо́тъ. Ночь — *о* разрѣшается опять въ первоначальное *а* въ производномъ акающаго говора: *наче*-вать, *начу*-е-тъ (наца — ночь). — *Стана̂*-мі (733; Gr. 1586), рус. акающ. *стана*-ть — издавать звукъ вздыхая, плача; сущ. *сто́нъ*. — Въ санскрит. *Краві* (Gr. 359) мы не видимъ присутствія *о*, однакожъ это русь-слав. *кро́въ*, гдѣ первоначальное *а* возстановляется въ прилагат. акающаго говора: кр*а*вавый. Точно такъ же: *Д'а̂ма* (344), *до́мъ*, дамовъ, дамашній; *Тарка* (287), *то́лкъ* — разсужденіе, изъясненіе; *тарка*-ійа̂мі, *талка*-вать — говорить, изъяснять.

Одною изъ существенныхъ основъ діалектическаго различія славянскихъ вѣтвей отъ русскаго акающаго говора было именно просодическое отступленіе отъ первоначальной системы обращенія *а* въ *о* въ силу переходчиваго ударенія. Въ чешскомъ и польскомъ діалектахъ окончательно погубило её установившееся въ нихъ, съ теченьемъ вѣковъ, постоянство ударенья въ

одномъ на первомъ, а въ другомъ на предпослѣднемъ слогѣ. *Параджа*-iйâмi (390), рус. ак. *паража*-ть, чеш. pόrażeti, пол. porάżać. Тѣмъ не менѣе первоначальная зависимость ихъ отъ русскаго акающаго говора очевидна, и Крижаничъ, въ эпоху катораго санскритъ въ Европѣ былъ еще не извѣстенъ, какъ бы прозрѣвая результаты будущихъ разысканiй, сказалъ: „русскiй народъ всѣмъ остальнымъ славянскимъ есть начало и корень". И дѣйствительно, представляемые въ настоящемъ трудѣ факты не могутъ не свидѣтельствовать, что славянскiя нарѣчiя *окающаго* говора могутъ вступать въ связь съ санскритомъ только чрезъ посредство современнаго и древняго русскаго языка *акающаго* говора. Въ отношеньяхъ между первыми и послѣднимъ мы видимъ нѣкоторую аналогiю, представляемую посредственнымъ отношеньемъ романскихъ языковъ къ санскриту: они не дѣти санскрита, а латинскаго языка, черезъ посредство катораго и вступаютъ въ связь съ языкомъ священныхъ вѣдъ (E. Littré, Hist. de la langue fr., 6 ed., p. 83). Напримѣръ, слова разныхъ славянскихъ нарѣчiй: welk, wilk, wuk, лит. wilkas, могутъ быть возведены къ первоначальному типу только чрезъ акающiй говоръ русскаго языка: *вόлкъ*. Зная, что тутъ *о* стоитъ, въ силу ударенiя, вмѣсто *а*, каторое возстановляется въ косвен-

ныхъ: *валкомъ*, *валковъ* и пр.; а два ъ — усѣченія *а*, — мы получаемъ *Валака*, *вѣлъкъ;* санскр. *Варака*, вслѣдствіе усѣченій обратившееся въ *Връкъ* (1335), церк.-сл. *вълъкъ*.

Сказанное объ отношеньи окающаго говора къ акающему мы можемъ провѣрить также на словахъ: храбрый, храмъ, объявлять.

А

Полногласное окающее: *хоробъръ*-ій, *хоро-боръ*-ій способно изобразиться, съ помощью усѣкательныхъ знаковъ, начертаньемъ *хъръбъръ*-ій; въ окающихъ славянскихъ нарѣчіяхъ оно переходитъ въ chrobry, chobry, krobly, krobwy.

И твоё братьё дружина всё *хоробрая*
Въ дáлечи, далéчи во чистомъ поли
А и бьются нонь они да ратятся....
(Он. б. стр. 217).

Задался Вольга сударь Буслаевичъ на семь годъ,
Обучался хитростямъ, мудростямъ....
Собиралъ дружину себѣ добрую,
Добрую дружину *хоробрую*....
Повернулся Вольга *лёвымъ* звѣремъ,
Поскочилъ по сырой земли, по тёмну лѣсу....
(Рыб., I, с. 2).

Чтобъ добраться до этимологическаго значенья разбираемаго *окающаго* слова, мы должны

обратиться къ его *акающей* формѣ: харо́бръ-ій; за тѣмъ, вмѣсто слога *ро*, поставить *ра*, который удареньемъ былъ измѣненъ въ первый; наконецъ, въ остальныхъ слогахъ *бъ* и *рь* возстановить первоначальныя гласныя *а* и *і*, замѣненныя усѣкательными знаками ъ и ь. Тогда получится во всей чистотѣ своей первоначальное акающее, приводящее насъ къ основнымъ санскритскимъ *хара-барі*, которыя переходятъ въ русскомъ акающемъ въ *хардъ-бъръ*-ій, *хърабръ*-ій.

Синтетическое слово это, нынѣ выражающее идею воинской доблести, есть метафора, сложившаяся изъ эпитета съ его конкретомъ:

Кхара (202), *хардъ*, *хъра* — горячій, ярый, буйный, свирѣпый,

Б'арі (474), *бъръ* — левъ; съ суф. *ійа*:

Хардъ-бъръ-ій — пылко, яро-львиный.

„Харобрая дружина" — яровьвиная, эпитетъ, принадлежащій дружинѣ Индры, Марутамъ (Aufr. II, № 34, 1). Онъ употреблялся у насъ даже въ конкретномъ смыслѣ воина, такъ какъ имъ переводилось στρατιώτης (Вост.). На участіе въ немъ понятія льва намекаютъ нѣкоторымъ образомъ и вышеприведенные стихи былины, гдѣ съ дружиною *харoброю* сближается *лёвый* звѣрь.

Въ былинахъ попадается иногда варіантъ этого слова *гардбъръ*-ій: тутъ вмѣсто *кхара* сто-

итъ *Гара* (749), *гарò* — хищный: *гаро-бърь*-ій— львинохищный.

Какъ и слонъ, вада, и проч., слово „харобърый“ — важный историческій памятникъ, дошедшій до насъ изъ миѳической эпохи бытія русь-славянскаго народа, когда онъ, вмѣстѣ съ индійскими арійцами занималъ такую страну, гдѣ царили львы, гдѣ онъ былъ частымъ зрителемъ нападеній этого звѣря на авечьи стада, вступалъ съ нимъ въ отчаянную борьбу, и возвелъ его кровавые подвиги въ идеалъ воинской доблести. Поэтому полагаемъ, что О. Пешель (Völkerkunde, 4. Aufl., S. 545—6) ошибается, утверждая, что въ азіятской прародинѣ европейскихъ арійцевъ львы не водились: „если бы, говоритъ онъ, древніе арійцы видѣли и одолѣвали въ своемъ отечествѣ такихъ хищныхъ героическихъ звѣрей, каковы левъ и тигръ; то конечно ихъ имена удержались бы въ какомъ-либо иномъ значеньи“. Мы видѣли, что русь-славянскій народъ, въ своемъ словѣ „харóбъръ“ не только сохранилъ первоначальное имя „героическаго“ льва, но, какъ увидимъ ниже, въ его языкѣ найдется памятникъ, свидѣтельствующій о быломъ знакомствѣ его и съ тигромъ *).

---

*) Подробности, на каторыя наводятъ слова „храбрый“ и „левъ“, изложены въ концѣ главы, подъ. лит. Г.

Б

Храмъ и его разновидныя формы: въ русскомъ акающ. *харо́мъ*, употребляемое только во множ. ч. *харо́мы*, бѣлорус. *крама*, малорус. *хоромына* и въ прочихъ *крамъ*, *грамъ*, *храмъ*, *храми́на*, — имѣютъ одно и то же основное значенье, для уясненья катораго нужно сперва возстановить первоначальную акающую форму: *харама*, *карама*, перешедшую, въ силу ударенія и усѣченья, въ *харо́мъ*, *хърамъ*. „Харомъ" значитъ у насъ деревянное строенье, составленное изъ *срубовъ*, т. е. вѣнковъ, *рубкою связанныхъ* по угламъ. Поэтому говорится: „*срубить* горенку, исбу, т. е. построить ихъ посредствомъ сплоченья срубовъ. По первоначальному древнерусскому значенью, *харо́мъ* былъ синонимомъ *сруба;* ибо:

Кара, *каръ*, *кър̆ъ* (180) — рубить, ударять остріемъ, *Ама̂*, *ама* (43; Gr. 89, 91) — сплоченье, стискиванье, связь, съ: *кара-ама*, *kара̂мъ*, *харо́мъ*, *хърамъ* — рубкою сплоченное, стиснутое: *съ-рубъ*.

Въ теченье вѣковъ, за словомъ *срубъ* закрѣпилось у русскаго народа значенье вѣнца, составной части деревяннаго жилья; а *харо̀мъ*, *хърамъ* вмѣстило въ себѣ конкретное понятіе жилья, сдѣлалось синонимомъ дома. Такъ было

уже въ эпоху переложенья священ. писанія на славянскій языкъ; ибо въ Остромир. евангеліи греческія *οἶκος, οἰκία, δῶμα* (Вос.) безразлично передаются словами *храмъ* и *домъ*. Нельзя впрочемъ не замѣтить, что домъ означалъ человѣческое жильё, безразличное относительно матеріала, изъ катораго оно построено (Разв. I, 64), между тѣмъ какъ „хърамъ", „харомъ" непремѣнно указываетъ на лѣсную страну и на употребленіе дерева для постройки жилищъ. Спеціальностію этою съ незапамятнаго времени славились на Руси новгородцы, какъ ткачествомъ — кривичи (Разв. I, 142). Уже въ 1016 г., при Днѣпрѣ, слѣдовательно на югѣ, кіевлянинъ, Святополковъ воевода, укарялъ новгородцевъ ихъ общеизвѣстною спеціальностію, не ладящею съ военными предпріятіями, говоря: „вы плотницы суще, а приставимъ вы *хоромовъ рубити*". Безъ сомнѣнія эта спеціальность окрѣпла въ Новгородѣ вслѣдствіе давняго развитія тамъ кораблестроенія.

Большой просторный деревянный домъ означается въ рус. языкѣ множ. числомъ *хароми*, потому что онъ состоитъ изъ нѣсколькихъ горенокъ, комнатъ или харомовъ, срубами связанныхъ въ одно цѣлое. Въ лѣтописи подъ 1228 г., „Сгорѣша *хороми* княжи и церкви двѣ". — Бѣлорус. *кърама* есть лавка, т. е. харомъ для помѣщенья товара.

Угры или маджары были, какъ извѣстно, кочевниками, не строили никакихъ осѣдлыхъ жилищъ, постоянно передвигаясь по степямъ въ своихъ вежахъ или арбахъ, „ордынскихъ телѣгахъ" по былинному выраженью. Завоевавши славянскую землю, ихъ нынѣшнее отечество, они должны были исподоволь свыкаться съ осѣдлостью, вслѣдствіе чего заняли между прочимъ у побѣжденнаго земледѣльческаго народа названье крестьянскаго жилья: *карамъ*, замѣчательное слово, представляющее первоначальную полную акающую, на концѣ усѣченную форму, отъ каторой, какъ мы видѣли, произошли харо́мъ и хърамъ.

В

Въ рукописи XI в. (Слова Григорія богосл., изслѣд. Будиловича, 1871, с. 115), греческое *φαίνω* переведено славянскимъ *абавлiати*. Безъ обращенія къ акающему говору, мы ошибочно можемъ принять этотъ глаголъ за предложный, какъ это и сдѣлано Будиловичемъ; на самомъ же дѣлѣ онъ синтетическій.

а̂б'а (170) — свѣтъ, измѣненное въ *оба*, *валлъ* (570), *вълъ* — покрывать, облекать: *аба-вълъ*-а-ти — свѣтомъ покрывать, облекать; дѣлать видимымъ.

Йа (610), *я* — блескъ, сіяніе, есть синонимъ *аб'а*; отсюда *я-вль*-а-ти, каторое получаетъ только усиленное значенье въ *абъ-явль*-а-ти — свѣтомъ сіяннымъ одѣвать. Глаголомъ „*объ-іа-влі*-а-ти" переведено *προφαίνω* (ib., 119)— просвѣщать, дѣлать что́ видимымъ вдали или въ будущемъ.

Г

Мы видѣли, что въ словѣ „харо-*бръ*-ій" участвуетъ *б'а̂рі*, по полной транскрипціи *бгаарі*, несомнѣннымъ эпитетомъ катораго первоначально было *лёвъ, левъ-ій*. Въ *бгаарі* звукъ *б* перешелъ въ родственное губное *в*, а *г* — въ родственное *з* (какъ въ другъ — друзья); отсюда *бгаарі* = *взаарі*. Но послѣднее, по закону метатезы (перестановки буквъ), образовало слово *звaарі*, каторое, въ силу ударенія и усѣченія конечной гласной, приняло въ русь-слав. языкѣ окончательную форму *звѣрь* (чѣмъ исправляемъ нашу этимологію въ Разв. I, 76). — Такъ-то санскр. конкретное имя бга̂рі, оставивши свой буквальный слѣдъ въ нашемъ словѣ „харо-*бръ*-ій", отдѣльно преобразилось у насъ, въ теченье вѣковъ, въ самостоятельное родовое наименованье „звѣрь", означающее вообще дикаго, неукратимаго животнаго.

Послѣ утраты народнымъ сознаньемъ этимологическаго смысла *бгâрі*, историческая участь епитета *лёвъ-ій* была двояка: во-1-хъ, въ значеньи существ. имени, онъ заступилъ мѣсто своего конкрета: *левъ*, а по рукописи XI в. *львъ* (Слова Григорія бог., изсл. Будиловича, с. 75); во-2-хъ, онъ сталъ синонимомъ *лютаго*, генерическимъ эпитетомъ „звѣря", какъ прежде былъ эпитетомъ бгâрі, прототипа этого слова:

Повернулся Вольга *лёвымъ звѣремъ*...
(Рыб. I, с. 2).

Не доѣдучи до города Кіева,
Попало па лѣсу три слѣдочика,
И первый слѣдъ *лёва звѣря*...
(Он. б., с. 890, 915).

Левъ, имѣющій болѣе или менѣе рыжеватый цвѣтъ шерсти, обыкновенно выходитъ за своею кровавою добычею ночью, и тогда раздается его ужасное рыканье, заставляющее трепетать не только пастуховъ съ ихъ стадами, но и всѣхъ звѣрей. Онъ и теперь еще водится въ Индостанѣ, особенно въ ея области Бенгали.

Лў (555) — вообще губить, разрушать; при *р* = *л*, древняя форма *Ру* (Gr. 1170) — раздроблять, разрывать;

Авi (Gr. 129), *ôвъ* — авца:

Лу-авi, *лъ-ôвъ*, *лёвъ*, *львъ* — разрыватель,

губитель авецъ. Тутъ, слѣдовательно, участвовалъ главный признакъ экономическій, такъ какъ звѣрь наносилъ хазяевамъ стадъ величайшій вредъ, подобно слону, вредившему рисовымъ полямъ (Разв. I, 79). *Лёвый* звѣрь — губящій, разрывающій авецъ бга̂рі.

Къ русь-славянскому слову, ясно разоблачающему свое первоначальное этимологическое значенье, ближе стоятъ: нѣм. и дат. Löwe, гол. Leouw, самог. lewas; удаляются отъ типа: лат. leo, греч. leo-on и сообразныя съ ними франц., итал., англ., исл., швед.

Кромѣ „лёваго“ звѣря, въ нашемъ народномъ творчествѣ встрѣчается *лютъ-ій* звѣрь:

Не подходитъ ли подъ коней какой у насъ *лютый* звѣрь....
Конь подъ богатыремъ какъ *лютый* звѣрь....
(О. б., с. 1124, 1082).

Очень вѣроятно, что древне-русское слово *лютъ* было названьемъ тигра. Звѣрь этотъ, по своимъ наружнымъ, выдающимся признакамъ, съ перваго взгляда представляется кошкою огромной величины, и вотъ почему имя этого конкрета входитъ въ составъ синтетическаго „лютъ“: *ӧту*, *ауту* (130) — кошка: *Лу-ауту*, слившееся въ *лъутъ* — губительная, разрывающая кошка.

Съ переселеньемъ въ иную страну, гдѣ тигръ не водится, и съ утратою сознанія о первоначальномъ этимологическомъ значеньи *лютъ*, слово это, въ формѣ прилагательнаго, сохранило за собою въ русь-слав. языкѣ идею свирѣпаго, безмѣрно злобнаго, кровожаднаго. Въ Сборникѣ 1073 г.: „чьто бо есть льва *лютѣе*“ (Вост.).

Барсъ, въ свирѣпости, едва ли уступаетъ льву, почему и называется по-гречески *παν-θηρ* — всецѣлый, совершенный звѣрь. Прекрасная шерсть его украшена по бокамъ черными пятнами. Русь-слав. народъ сперва долженъ былъ знать льва, водившагося въ сѣверномъ Индостанѣ, прежде чѣмъ дать имя звѣрю, похожему на него, каторый жилъ и живётъ въ южной части полуострова и на индійскихъ островахъ:

Б‘āрі — левъ, *Са* (667), *съ* — змѣя: *баръ-съ* — левъ змѣепёстрый, т. е. цвѣтомъ шерсти похожій на пестро-блестящую змѣю. Объясненье наше подтверждается санскр. *Пардāку* (422; Gr. 859), каторое означаетъ змѣю и вмѣстѣ съ тѣмъ леопарда, т. е. льва змѣепестраго. Въ древнемъ русскомъ языкѣ за звѣремъ удержалось имя *парду*, а идея „змѣепёстраго“ выражена приложеньемъ слова *са*, *съ* — змѣя: *парду-съ*. Это — леопардъ, катораго въ древности смѣшивали съ барсомъ, потому что они очень похожи одинъ на другаго величиною и цвѣтомъ шерсти; по-

этому названіе leo-pardus, *λεοντόπαρδος* примѣнялось и къ барсу и къ леопарду, указывая на родство того и другаго со львомъ.

Лѣтопись наша говоритъ о вел. кн. Святославѣ: „легко ходя аки *пардусъ*". Достойное героя сравненіе съ леопардомъ было конечно позаимствовано изъ пѣсней баяновъ. Между тѣмъ славянскій переводчикъ словъ Григорія богослова (Изслѣд. Будиловича, стр. 77), греческое *πάρδαλις*, тожественное пардусу, перевелъ знакомымъ ему именемъ небольшаго русскаго звѣря *рысь*, каторому собственно соотвѣтствуетъ *λύγξ*. Сравненье Святослава съ рысью было бы большою ошибкою относительно его характера. Собираясь въ походъ на какой-либо народъ, онъ предупреждалъ его словами: „хочю на вы ити"; между тѣмъ какъ нравы рыси совершенно сходствуютъ съ нравами кошки, подстерегающей мышь и пользующейся ея оплошностію для нападенія на неё. Цѣнный мѣхъ рыси, звѣря, живущаго на сѣверѣ Европы и въ Сибири, — свѣтлорыжій съ черноватыми пятнами; безъ сомнѣнія онъ вывозился изъ Скиѳіи въ Грецію вмѣстѣ съ прочими мѣхами. Поэтому греки разузнали какъ объ имени звѣря, такъ и объ его характеристическихъ чертахъ, между каторыми прежде всего выдаются его живые, блестящіе, проницательные глаза, такъ что они сочинили басню, будто

бы звѣрь этотъ способенъ видѣть сквозь стѣну. Имя его *λύγξ*, при *л* = *р*, по всей вѣроятности русь-славянское *ры(к)съ,* каторое указываетъ на выдающійся признакъ его — глаза. Оно синтет. слово:

Рй (542) — убивать, паражать,

Акхî (7), *аксъ* — глазъ, афереса — *ксъ*, *съ*: *Ры-ксъ*, *Ры-съ* — глазоубійственный, поразительный глазъ. (О словѣ акхі — въ концѣ этой главы, Д.)

По нашимъ разъясненьямъ кажется явно, что слова: *лёвъ*, лёвый звѣрь, *бгâрі* въ сложныхъ: *барь-съ*, *парду-съ* (вѣрнѣе бгâрду-съ), leopardus, leontopardos — вынесены европейскими арійцами изъ ихъ азіятской прародины, и хотя въ своихъ новыхъ отечествахъ они уже не встрѣчались съ этими звѣрями, тѣмъ не менѣе имена ихъ закрѣпились въ народной памяти. Подобный примѣръ представляетъ намъ Новозеландія: на этихъ островахъ нѣтъ ни домашнихъ свиней, ни кокосовыхъ арѣховъ, а между тѣмъ имена этихъ предметовъ сохраняются въ языкѣ островитянъ Маорі (O. Peschel, Völkerkunde, 4. Aufl., S. 546).

Д

1. *Акхî* (7) и *Акха* (6; Gr. 5) означаютъ глазъ, глазное яблоко, но также вообще круг-

лый, вертящійся предметъ. *Кх* способно къ переходу въ *з*, *с*; поэтому:

а) *Акхі*, *ась*, сократившись въ *сь* въ словѣ *рысь*, обратилось, въ силу ударенія, въ *óсъ*, округленный брусъ для вращающихся на немъ колесъ.

б) *Акха, аса* — вертящійся предметъ; съ удареньемъ *асó* и соединенное съ *Кôла* (Разв. I, 397) — кругъ, образовало синтетическое: *кола-асó*, *кол-е-сó* — круговертящійся предметъ, круговоротъ. Отъ *кола* нарѣчіе *о-кола* — кругомъ: „Обыдоша Русь около“. (Лавр. спис., лѣтописи).

в) *Акха*, *óка*, въ окающ. говорѣ *око* — глазъ: „не насытится око зрѣнія, а сердце желанія“.

2. Предъидущее слово напоминаетъ намъ синтетическое *востокъ*. — *Васту* (Gr. 1238) — утро: *Васту-акха*, *вастъ-óкъ* — око, глазъ утра, метафорическое или миѳологическое названіе утренней зари, предвѣстницы солнца, „каторое слѣдуетъ за нею, какъ мужъ за своею женою“ (Рв. I, № 115: 2).

Утро собственно начиналось съ первымъ выходомъ изъ-за горизонта солнечнаго круга, какъ показываетъ этимологія этого слова: *Уттара* (Gr. 250), *утъра* — послѣдующій по времени, эпитетъ солнца, потому что оно „идетъ

за зарею, какъ мужъ за своею женою", слѣдовательно являлось позже зари.

Съ появленьемъ зари, служащіе брагманы приступали, въ священной оградѣ, къ араньи (Разв. I, 271), и *взгнѣтали* живой агонь: это былъ первый часъ (ib., 184), утреннее славословіе и жертвоприношеніе, начинавшееся гимномъ: „Просвѣти нашъ духъ „(M. Müller, Origines et develop. de la religion, 1879, p. 13). Нашъ глаголъ *взгнѣтать* образовался, подъ вліяніемъ закона экономизаціи звуковъ, изъ словъ: *васту-агні-ѣта*, *вѣст-ъгні-ѣта*, *вѣз-гн-ѣ-тъ* — утренняго агня зачатіе, *взгнѣта*-ть — утренній агонь зачинать.

У насъ есть существ. *гнётъ*, глаголъ *гнесть*, обл. арх. *гнетить* — жать, давить, тѣснить; предложный *вз-гнесть* — поднять тяжесть: „взгнесть ношу на плеча", Но отъ этого глагола должно отличать другой, каторый слѣдуетъ писать черезъ *ѣ*: „*всгнѣтать*, *всгнѣсть* агня" — разводить агонь, пламя. Вмѣсто *вѣс* писали въ древности и нынѣ пишутъ *вѣз*, *воз*, отъ чего глаголъ кажется предложнымъ; въ Сборникѣ 1073 г. и Остромировомъ еванг.: „Аште бо ты пламене не възгнѣтиши", или „Възгнѣтивъше же огнь" (Вост.). При утратѣ сознанія этимологическаго значенія слова *Васту*, *вѣст*, легко было счесть его за предлогъ *вѣз* при соединеніи съ глаголомъ *гнѣ*-

тити: „Отци ихъ огнь гнѣтять“ (Ib., Златоструй XII в.). *Гні* (*гні*-ета, гнѣтъ) произошло отъ отсѣченія *а* въ словѣ *а-гні*.

Санскр. и древне-русское *васту*, *вастъ*, въ слав. окающемъ *вóстъ*, въ нѣмецкомъ измѣнилось въ ost — вост-окъ.

Въ выраженьи народнаго творчества: „Заря утрення зачалась отъ очей божіихъ“ (Безс. I, 325), подъ *очами божіими* разумѣется владыка солнца Индра, каторый въ Вѣдахъ именуется *тысячеглазымъ*.

3. Нынѣшнее русское аналитическое названіе Венеры „утреннею звѣздою“ было, на древнемъ языкѣ, *Васáра* (Gr. 1263), *възóръ* — „утромъ свѣтящая, блистающая“, и потому имя это въ Рв. иногда означаетъ утреннюю зарю, подругу Венеры звѣзды. Тутъ повторяется аналогія между звѣздою и глазомъ (Разв. I, 92): внимательно, жадно глядѣть на востокъ, въ ожиданіи появленія звѣзды и зари, выражается рус. глаголомъ, происшедшимъ отъ *васар-и*-ться, *възари*-ться, *възари*-ва-ться, каторый получилъ теперь общій смыслъ „всматриваться, вглядываться“.

4. Отъ Васара, Вацара происходитъ наше *вецóръ*, *вечóръ*, *вéчеръ;* ибо одна и та-же звѣзда сіяетъ и предъ восходомъ солнца (възóръ) и

предъ заходомъ — вечерница. *Ніцъ* и *Нацъ:* отъ первой формы (372) малорус. *ніч*, отъ второй (Gr. 719) — русь-слав. *ноч*. *Вечер-ніца* — свѣтящая къ ночи; а свѣтящая передъ солнечнымъ восходомъ — *утреница* и *деньница:*

Утъ (96), префиксъ, означающій движеніе вверхъ; *Търъ* (299) — поступаніе, переходъ: *Утъ-тръ-ніца* — вверхъ переходящая изъ ночи:

Діна (320) — *день: День-ніца* — денноночная, смежная со днемъ и ночью.

5. Утренняя и вечерняя заря называются у насъ „сумерками“:

а) *Су* (725) — раждающая, мать, или, вѣрнѣе, *радитель*, слово, каторое на древнемъ рус. языкѣ было общаго рода:

А Илья да сынъ Ивановичъ
Проситъ у *радителя* прощеньица...
Далъ *отецъ* прощенье съ благословеньемъ
Ѣхать къ городу Чернигову....
Да встрѣчае *радитель его машуика:*
— Да и что ты дитя моё милоё,
— Да и что моё милоё съ лица ты палъ.

(Он. б., стр. 16, 1126).

На древнемъ русск. языкѣ слово *радитель* не имѣло граммат. рода; это — памятникъ изъ первобытной эпохи языка, когда всѣ имена безъ

рода означали дѣйствіе, дѣятеля *) По всей вѣроятности и всѣ имена, кончащіяся суффиксомъ *тель*, первоначально также не имѣли рода, такъ что означеніе у насъ женскаго приставкою *ница* (родитель-ница, спасительница) относится къ позднѣйшему періоду языка.

б) *Марі̂чі* (493; Gr. 1007), *мъръкъ* — не весь свѣтъ, лучь свѣта:

Су-мърьки — родитель лучей свѣта. Этимъ радителемъ была *Ушасъ* (Gr. 268), богиня, дочь неба; въ нариц. значеніи — утренній и вечерній багряный цвѣтъ неба. По нѣкоторымъ гимнамъ Рв., Ушасъ называется женою Суріи, солнца (М. Мюллеръ, Origine et dévelop. de la religion, 1879, p. 238).

6. Умѣстно будетъ здѣсь объяснить синтетич. слово *западъ*, какъ сторону горизонта, противоположную *вастоку*.

И то, и другое слово славянскіе филологи, кажется, производятъ отъ глаголовъ „востекагь“ и „западать“.

Кхапâ (195), *зaпa* — ночь,

Да (308), *дъ* — даятель, податель:

---

*) Напр. *Въръка* (Gr. 1325), полногл. форма *Варака*, рус. *вблъкъ*, извѣстный звѣрь Этимъ же словомъ въ Рв. называстся плугъ, конечно въ смыслѣ „раздиранія, раздирателя“ земли.

Запа-дъ — ночи податель. Это несомнѣнно было древнерусскимъ эпитетомъ Варуны, каторый былъ представителемъ ночи и мрака, какъ Мітра — неба (M. Müller, Orig. et dévelop. de la religion, 1879, p. 210). Онъ почитался также правителемъ запада, владыкою водъ и подводнаго царства, куда погружались души умершихъ (Bernard, Diction. mythol.). Память о немъ сохранилась въ нашихъ былинахъ подъ названьемъ „Водяного“ или „Морскаго царя“, въ подводное царство катораго попался Сатокъ за то, что забылъ приносить ему жертвы. Первобытные люди полагали, что солнце раждается утромъ и умираетъ вечеромъ (M. Müller, ib. 212). Достигши запада, Индра „ринулъ солнце въ мрачную бездну ночи“. — „Да не снидутъ на насъ долгія мраки или ночи“. — „О Варуна! да не пойдемъ мы туда, гдѣ свѣтъ исчезъ“. (Ibid., p. 212, 256, 257). — Въ гимнахъ Варунѣ: „Не пресѣки моей нити, когда я занятъ тканьемъ дѣлъ благочестія. — Не попусти намъ, прежде чѣмъ придетъ наше время, покинуть область свѣта“. Paut. Brun. Rv. № 219: 5, 7).

На слово *Кхапа*, *запа* — ночь слѣдуетъ обратить вниманіе. Говорится напр.: „я *спалъ*, но *сонъ* мой не былъ покоенъ“. Если не *спать*, то не будетъ *сна*; если нѣтъ *сна* — я не *сплю*. Логическое отношеніе этихъ двухъ словъ ясно,

но этимологическ. происхожденіе ихъ различно. У насъ нѣтъ слова, которое бы начиналось слогомъ *зпа*; даже въ предл. глаголахъ, *з*, въ предлогѣ *раз*, смягчается въ *с*, напр. рас-пустить. Поэтому древнее имя конкрета *запа*, ночь, при усѣченіи въ первомъ слогѣ *а*, перешло у насъ въ *съпа*, вмѣсто *зъпа*; отсюда глаголъ *съпа*-ти *) (Вост. Остр. ев.; Златоструй XII в.), такъ точно, какъ изъ *нача*, *ночь* образовалось: *начу*-еть, *наче*-ва-ть. Въ первобытныя времена человѣкъ не обращалъ ночи въ день, какъ это очень часто дѣлается теперь; а согласно съ естественнымъ отсутствіемъ свѣта, онъ проводилъ её въ *снѣ*. Основа послѣдняго слова — первоначальное имя конкрета *ша* или *са* (665) — сонъ; у насъ присоединенъ суф. пассивнаго состоянія *на*: *са-на*, сóнъ, церковносл. *сънъ* (Вост.), отъ котораго, въ предл. глаголахъ у*сну*-ти, за*сну*-ть.

7. Предъидущее изложеніе открываетъ аналогію между ночнымъ и смертнымъ мракомъ, что и выражено санскритскимъ *аста* (64) — заходъ солнца и также смерть; а у насъ — этимологическимъ значеніемъ слова *сумракъ*, которое вѣроятно, на древне-русскомъ языкѣ, было также эпитетомъ Варуны.

---

*) т. е. вести себя по естественному закону времени, лишеннаго свѣта: съпать, предаваться ночному покою.

Су — радитель; *Мара* (Gr. 1054) — смерть; суф. *ка* при дѣятельныхъ именахъ: *Су-мара-ка*, *Су-мзра-къ* — родитель смерти. "*Сумракъ* ночи *мертвитъ* очи".

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Хомово произношеніе.

Безсоновъ, въ своемъ изданіи народныхъ произведеній, такъ называемыхъ „Стиховъ“, подъ заглавіемъ „Калѣки перехожіе“, приводитъ (вып. 6-й, с. XVI) примѣры пѣснопѣній изъ октая (осьмогласника), писаннаго въ XV в. Здѣсь древнія „знамена“ или ноты такъ расположены, что требуютъ при пѣньи полногласнаго произношенья написанныхъ подъ ними словъ. Это — ясное свидѣтельство, что напѣвъ дошолъ изъ древнѣйшаго времени акающаго произношенья, искажоннаго позднѣйшими писцами въ окающее церковно-славянское: они знали, что усѣкательными *ъ*, *ь*, *ы* были нѣкогда замѣнены гласныя буквы, слышали звонъ, да не знали откуда онъ: почему поставили за правило всякое *ъ*, встрѣченное въ древнемъ писаніи, обращать въ *о*, а *ь* въ *е*. Въ слѣдствіе этого и приходится читать подъ знаменами: „Чето сотворихо окояненыи азо“, вмѣсто вѣроятнаго древнѣйшаго

начертанія: „чьто сътвърихъ акъяньнъіи азъ; при пѣвучемъ же акающемъ протяженьи по знаменамъ: чьтó сатвариха акаяньнъіи аза (санскр. *ага*, древлерус. *аза*, усѣч. *азъ*). Или: Вопія оумиленымо гъласомо“, вмѣсто начертанія: въпія умильнъымъ гълъсъмъ, т. е. вапія умиленъньіма гъласама, какъ въ стихахъ былины:

Выходила тутъ турà со турятами(а),
Ай са глупы*ма* со малы*ма* ребятами(а).
(Он. б., с. 129).

Сообщенье Безсонова объ этомъ памятникѣ слишкомъ кòраткó; даже не объясняется, откуда почерпнуто имъ названье „*хомова* произношенья“; въ сопоставленьи съ какими словами оно встрѣчается въ источникѣ? Надо полагать, что это — санскр. *гама* (212), въ русской формѣ *хóмъ*, чтó, какъ *гамінъ*, *хóмінъ*, значило „странникъ“: *хóмавъ* напѣвъ означаетъ напѣвъ странниковъ, каликъ перехожихъ, о своеобразности каторагo сохранилось преданье въ народной памяти:

Пошли оны въ землю политовскую,
Къ каралю политовскому подъ окошечко,
Скрычали, сзычали зычнымъ голосомъ *по каличьему* ....
(Он. б., с. 199).

Первоначальное значенье этого древнерусскаго синтетическаго слова было уже объяснено (стр. 6, Кх.). Если не всѣ, то большая часть изъ каликъ перехожихъ были граматными:

Вышло сорокъ каликъ да со каликою,
Да калики тѣ всѣ были *учоные*,
Учоные калики были *граматніе*....

(Ibid., с. 1279).

Поэтому, нападая въ дьяки, они оставили намъ слѣды „хомава" произношенья въ разныхъ памятникахъ нашей древней письменности.* Въ смоленской грамотѣ 1229 г. встрѣчаются: *берьго* (бьрьгъ), *миро* (миръ), *путе* (путь), *всехо* (всѣхъ); въ новгородскихъ граматахъ 1294—1304: ко кърольвымо моужьмо (къ къръльвъімъ мужьмъ), посъло (пъсълъ, пасо́лъ), *послухо* (пъслухъ). Неудивительно, что калики отличались особымъ говоромъ, сообразно съ каторымъ и писали: среди русскаго народа они составляли нѣчто въ родѣ патомственной касты, „каличій родъ".

Мы есть роду княженецкаго,
Княженецкаго роду вѣковічнаго,
А вы есть роду каличьяго,
Да й *каличьяго роду вѣковічнаго* ....

(Ib. 836)

Одѣвались они въ особую, отличавшую ихъ родъ, одежду, спеціальное названіе каторой было *гуиъя* (Разв. I, с. 134).

Ужъ ты дай-ко мнѣ свое платьице,
Платьице чорное да дай *каличье*....

Куутилися они было каликамы,
Обували они было лапти липовы,
Надѣвали они платьица нецвѣтныи....
(Ib. с. 146, 60).

Они были ходячими вѣстниками по русской землѣ:

Ты куда *калика перехаживаешь*,
Ты откуль идёшь, откуль путь держишь?...
Еще набъ у калики *вистей спрашивать:*
Куда шла калика, а что́ видѣла?....

Ай жее ты царь Костянтинъ Боголюбовичъ!
Да возми-тко ты калику да въ палаты бѣлокаменны:
За каликой есть *вѣсти* не плохіи,
А не плохіи *вѣсти* есть *царскіи*....
(Ib. 337, 975, 944; Разв. I, 134).

За такія вѣсти имъ охотно оказывали гостепріимство и давали подарки (Ib., с. 61).

Былъ у каличьяго рода собственный уставъ:

Кто изъ насъ убьётъ, или украдетъ ли,
И того казнить вѣдь *казнію калицкою*,
И жива копать да по грудямъ въ сыру землю....
(Ib. 875).

Видимый образъ калицкой казни представляютъ намъ мощи однаго святаго въ одной изъ наиболѣе посѣщаемыхъ у насъ св. обителей; во время жизни, онъ избралъ эту казнь своимъ подвигомъ.

Али кто пустится на женской блудъ, —
Едина оставить во чистомъ полѣ,
И окопать его по плеча во сыру землю.

(Кр. Д., с. 155).

Вообще калики пользовались большимъ уваженьемъ и почетомъ:

Владимiръ князь пригодился въ домѣ,
Посылалъ онъ своихъ ключниковъ, ларечниковъ,
Побить челомъ и поклонитися имъ-то каликамъ,
Каликамъ пообѣдати.....

(Ib., с. 162).

Взималъ онъ царь Костянтинъ Боголюбовичъ,
Взималъ онъ тутъ каликушку къ себѣ его,
Въ особой-то покой да въ потайныи....

(Он, б., с. 239).

Изъ приведенныхъ данныхъ очевидно, что калики перехожiе играли очень важную роль въ доисторическомъ быту русскаго народа, отличаясь специальными названiями волхвовъ, кудесниковъ, колдуновъ и проч. (что мы имѣемъ въ виду объяснить впослѣдствiи) Даже вѣщiй Олегъ,

какъ извѣтно изъ лѣтописи, питалъ къ нимъ полное довѣріе. При введеніи христіанства на Руси, большинство каликъ несомнѣнно приняло характеръ христіанскихъ странниковъ. Въ виду свидѣтельства былинъ о ихъ важномъ значеніи въ языческую эпоху, — мы должны, быть можетъ, принять послѣднюю часть въ имени *кал-іка* не за обыкновенный суффиксъ, а за рѣченіе *ікхъ* (91) — обозрѣвать, наблюдать; имѣть попеченіе: ***Кал-іка*** — странствующій наблюдатель, попечитель.

Каліка и паломникъ были синонимами, потому что въ спискахъ Владимірова устава о церковныхъ судахъ упоминается въ числѣ церковныхъ людей: въ однихъ калика, въ другихъ— паломникъ (Разв. I, 132):

Пала̂-мі, *палъ*, (402)—ходить, странствовать.

а) *Манійê*, *манъ* (Gr. 990) — замѣчать, наблюдать; мысленно молиться; вѣдать, знать. Суф. *іка* — примѣта именъ, означающихъ дѣятеля:

Пала-ман-іка, *пало́-мън-ікъ* — странствующій наблюдатель; странствующій вѣдунъ, знахарь.

б) ***Муні*** (510), съ суф. *ка*: *мъні-къ, мни-хъ*— пустынникъ, отшельникъ: *поло́-мъні-къ* — странствующій отшельникъ.

Оттѣнки различія между обоими синонимами опредѣлить теперь едва ли возможно; но вообще они означали странника (Разв. I, 134). Безсо-

новъ сдѣлалъ такимъ образомъ ошибку, назвавши изданный имъ сборникъ „Калѣки перехожіе“, и придавая древне-русскому слову смыслъ хромыхъ и другихъ увѣчныхъ нищихъ.

Оправдывая окающее правописаніе, Буслаевъ, въ своей „Исторической грамматикѣ *русскаго* языка“ (§ 43, п. I), говоритъ: „Мы произносимъ *укращать*, а пишемъ *укрощать*, потому что это слово происходитъ отъ прилагат. *кро́ткій*“. Мы, съ своей стороны, полагаемъ, что, по закону объ удареньяхъ въ рус. языкѣ, не только въ одинаковой степени правильно произносятся *кро́ткій* и *укращать*, но послѣднее слово слѣдовало бы такъ и писать. „Кроткій“ было первоначально матеріальнымъ понятіемъ, каторое уже впослѣдствіи возведено въ отвлеченное о нравственномъ качествѣ (какъ, напр., бълаго), согласно съ закономъ происхожденія отвлеченныхъ понятій отъ вещественныхъ конкретовъ. *Ча̑ра* (243), *кара* выражаетъ идею связыванья, сковыванья; *ка̑ра̑* (157) — тюрьма. Отъ формы *чара́тъ, кара́тъ, къро́тъ*, — связанный, скованный, съ суф-ми *ка-йіа*, — образовалось *кърòтъ-къ-йй* — связанный, скованный; отвлеченно: смирный, тихій.

Ча̑ра, *ка̑ра*, въ соединеньи съ рѣченьемъ *Ща* (253) — молодое животное, и глагольнымъ суф. *ті*, *тъ*, образовало: *у-кра-ща-ті*, укра-

щать — связывать молодое животное, усмирять его. Отъ конкретнаго значенья глаголъ этотъ также получилъ смыслъ отвлечоннаго дѣйствія — дѣлать кого смирнымъ, тихимъ, какъ связня.

Разумѣется, что *ча̑ра*, *ка̑ра*, въ смыслѣ тюрьмы, было первоначально связано съ конкретнымъ понятіемъ человѣческой руки, *кара* (141), каторая пріобрѣла со временемъ обширное метафорическое употребленіе. Мы и теперь гаваримъ: „взять кого въ руки", въ смыслѣ подчинить его власти, отнять у него волю, у-*къра*-ти-ть его. „Державная рука"—надъ всѣмъ господствующая власть, всё у-*къра*-ща-ющая.

Какъ тутъ-то онъ поѣхалъ за славно сине̇ море,
Кари-ть-то тамъ языки всё навѣрныи,
А прибавлять земельки свято-русскіи...
(Оп. б., с. 247).

Кърóтъ-къ-ій, въ произношеньи, осталось неизмѣннымъ въ русскомъ языкѣ, для выраженья нравственнаго качества, т. е. слово это сохранило единственную форму въ отличіе отъ *кратъ-къ-ій*, каторое способно обращаться въ полногласную: *карóтъ-къ-ій*, чего не можетъ быть съ *кроткій*. Прежде другихъ, позднѣйшихъ способовъ измѣренія, человѣкъ на первыхъ порахъ воспользовался своею рукою (еще и теперь говорится „прикинуть на руку"); съ присоединеньемъ суф. отвлечон-

ныхъ именъ *тâ*, образовалось слово для выраженья отвлечоннаго понятія объ единицѣ: *кара-тâ*, *кърата*: три въ девяти содержится три краты; верёвка эта три краты больше сажени. Объемъ обѣихъ рукъ названъ у насъ *саженью*:

Цакга (642)—рука; отсюда санскр. глаголъ *цакгâ-мі*—обнимать, охватывать. Гортанное *кг* перешло у насъ въ *ж*: *цакга*=*сажа*, посредствомъ гуны съ суф. *іні*, образовалось: *саж-е-нъ*—ручной объемъ, охватъ.

Въ дальнѣйшемъ развитіи языка и понятій, *кара*, рука, въ примѣненіи къ длиннымъ протяженіямъ, оказалась слишкомъ недостаточною, и вотъ, съ прилаг. суффиксами *ка*, *ійа*, образовалось: *ка́ра-та-къ-ій*, *каро́-тъ-къ-ій*, *къра-тъ-къ-ій* — отношеніе недостаточности руки къ длинному протяженью: „*каро́ткое* зрѣніе" — то, каторое видитъ не далѣе руки; „сабака ловитъ *каратко́*" — на очень близкомъ разстояніи; „у *короткихъ* ногъ и шагъ *каро́такъ*".

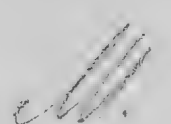
Но *каро́ткій* — нашъ гомонимъ, происшедшій отъ санскр. созвучнаго рѣченія, именно отъ причастной формы *кърътта* глагола *кърънтâмі*, *кърътъ* (180) — усѣкать, урѣзывать, образовался у насъ глаголъ *карата*-ть — усѣкать, урѣзывать: *каротъ-къ-ій* кафтанъ, *каратъ-ко* отрубить; въ переносномъ смыслѣ: *каро́тъ-къ-ій* слогъ, *каратъ-ко́* разсказать, *карата-тъ* день.

Впрочемъ, думаемъ, что всѣ эти слова и связанныя съ ними понятія развивались изъ конкрета, органа человѣческаго дѣйствія и дѣланья, *Кара*, рука, такъ что и санскр. глаголъ *карâ-мі* или *карôмі*, въ общемъ смыслѣ „дѣлать", произошолъ отъ имени конкрета, какъ у насъ: отъ рука — руча-ть-ся, отъ день — дьне-ва-ть, отъ горе — горе-ва-ть, и проч.; а не отъ такъ называемаго грамматиками корня *кър* (179).

Итакъ, въ словѣ „кърóткій", *о* было только временнымъ явленьемъ, въ слѣдствіе ударенья; съ устраненьемъ его, возстановилось первоначальное *а* въ глаголѣ „*у-къра-ща-ть*, каторый между тѣмъ, въ подражанье ц-сл-му, пишется у насъ „у-*кро*-ща-ть". Уже и тутъ видно, что современное *окающее* правописаніе, навязанное господствующему въ русскомъ государствѣ языку, противорѣчитъ свойству, историческому происхожденію и строю этого языка. Акающій говоръ, какъ первоначальный и основной, прорывается среди окающаго въ такихъ рукописяхъ, гдѣ и нечаялось бы встрѣтить его; напр. въ Несторовомъ житіи Ѳеодосія печерскаго, по сп. XII в.: одежа, надежа, манастырь и проч.; въ словахъ Григорія Богослова, по рукоп. XI в. (Изслѣдованіе Будиловича, с. 7): разаряя, храмати, утапаеть и проч.; въ Антіоховомъ Пандектѣ, рукоп. XI в. (Выписки, изд. Срезнев-

скимъ): разаряяй, телята, и проч. (стр. 24, 61, 56).

Желаете ли знать, какъ дико звучитъ русскій языкъ, при буквальномъ чтеньи по окающему правописанью? Пригласите иностранца, изучившаго этотъ языкъ кабинетнымъ, книжнымъ образомъ, прочесть одну изъ басень Крылова, (хотя подобные чтецы встрѣчаются и между природными россіянами). А между тѣмъ, по нашему правописанью, ученые иностранцы выводятъ свои заключенія объ отношеніи русскаго языка къ санскриту, къ литовскому, церковно-славянскому, будто бы древнѣйшему, и о мѣстѣ, каторое принадлежитъ ему въ семьѣ прочихъ арійскихъ языковъ.



Первый томъ этого сочиненія изданъ подъ заглавіемъ: Развѣдки о древнѣйшей Русь-славянской граматности. Одесса, 1878 года, цѣна 3 р.

Цѣна перваго выпуска 1 руб.

